

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpiska@eot.su

Оглавление

Колонка главного редактора	3
О коммунизме и марксизме — 35	4
Метафизическая война	21
Судьба гуманизма в XXI столетии	22

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
Экономическая война	50
Что происходит с нефтью?	51
Классическая война	64
Ограничения технологизма	65
Социальная война	89
Трудный путь советской медицины	90
Война идей	120
Идея фундаментального неравенства. От нацистской «классики» — к актуаль- ности — 2	121

Колонка главного редактора

О коммунизме и марксизме — 35

Спор об авторстве шекспировских трагедий длится достаточно долго. И, при всей его важности, никак не может повлиять на величие трагедий, написанных то ли Шекспиром, то ли кем-то другим

Дирк ван Бабюрен.
Прометей, приковываемый Вулканом. 1623 г.

Вильгельм Шмидт (1868–1954) — выдающийся немецкий этнограф, антрополог, социолог, лингвист, историк религии. Шмидт не просто учёный. Он — католический священник-вербист. Вербисты (или Общество Слова Божьего) — католическая монашеская конгрегация, то есть союз монастырей, действующих по одному уставу. Данная конгрегация сформировалась в 1875 году, её устав был утверждён Святым престолом в 1905 году.

Шмидт родился в рабочей семье, окончил миссионерскую школу Общества Слова Божьего. Окончив школу, получил высшее философское богословское образование и был рукоположен в священники в 1892 году.

В 1906 году Шмидт основал журнал «Антropos», в котором печатались статьи по этнологии и лингвистике. В 1931 году он создаёт институт «Антropos» при Обществе Слова Божьего.

После аншлюса Австрии в марте 1938 года Шмидт переносит институт «Антropos» в Швейцарию.

царию.

С 1912 по 1955 год Шмидт публикует огромный многотомный труд, главный труд своей жизни. Этот труд называется «Происхождение идеи Бога». В своём многотомном сочинении Шмидт пытается доказать, что существовал первоначальный первичный монотеизм (прамонотеизм), который затем уже трансформировался в различного рода политеизмы. Пытаясь это доказать, Шмидт организовывал экспедиции, изучавшие религиозность народов, которые можно было считать наиболее первобытными (пигмеев и пигмоидов, коренных жителей Огненной Земли, африканских бушменов и так далее).

На сегодняшний день гипотеза Шмидта о прамонотеизме считается устаревшей. Однако она очень долго владела умами. А поскольку в антропологии и истории религий устаревшие гипотезы зачастую воскресают в новом обличии, то я бы не стал утверждать, что наука полностью отказалась от положений, выдвинутых Шмидтом и ка-

завшихся поначалу весьма убедительными.

В любом случае Шмидт — выдающийся антрополог, великолепный знаток истории религий, и к его мнению по интересующим нас вопросам вполне стоит прислушаться. Хотелось бы подчеркнуть, что «прислушаться» — это не значит «принять на веру», и что лично мне гипотеза Шмидта о прамонотеизме не представляется убедительной. Но здесь необходимо обсудить вовсе не основное интеллектуальное детище Шмидта, то есть этот самый прамонотеизм, а нечто гораздо более конкретное и значимое для нас. Обсуждать это следует, уважая позицию Шмидта, отдавая себе отчёт в масштабе личности, в научной компетенции данного исследователя. И вместе с тем никоим образом не превращая интересующее нас суждение Шмидта в религиоведческую или культурологическую аксиому.

В 1919 году Шмидт выразил сомнение в том, что автором «Прометея прикованного» являет-

ся Эсхил. Надо оговорить, что ещё до Шмидта ряд исследователей усомнились в том, что этот великий древнегреческий поэт, очень лояльный к олимпийским богам во всех своих произведениях, кроме «Прометея прикованного», мог позволить себе такое богооборчество в данном произведении.

Это сомнение именуется «Прометеевским вопросом». Зачинателем «Прометеевского вопроса» является выдающийся филолог Фридрих Велькер (1784–1868). Он поставил под сомнение авторство «Прометея прикованного», выдвинув ряд филологических аргументов. В 1869 году эти сомнения дополнительно обосновал крупнейший немецкий филолог Рудольф Вестфаль (1826–1892). Известнейший филолог Эрих Бете (1863–1940) развил аргументацию, согласно которой Эсхил не являлся автором «Прометея прикованного». И, наконец, Шмидт обострил «Прометеевский вопрос», что называется, до предела.

Шмидт выдвинул следующие аргументы

в пользу того, что Эсхил не мог быть автором данной трагедии.

Во-первых, Эсхил, как считает Шмидт, был предельно благочестив. Все его другие трагедии от начала до конца пронизаны восхвалением олимпийских богов, что более чем естественно для той эпохи.

Во-вторых, Эсхилу, как полагает Шмидт, была чужда апологетика прогресса, которой пронизан образ Прометея.

В-третьих, в «Прометее прикованном» убеждение и насилие противопоставляются, а это чуждо Эсхилу, как считает Шмидт.

В-четвёртых, имеют место нестыковки между так называемыми частями Трилогии о Прометее.

В-пятых, такие термины, как «мудрая осторожность» или «тиран», не могли, по мнению Шмидта, использоваться Эсхилом.

В-шестых, в «Прометее прикованном» Зевс ставится ниже судьбы, а это никак не могло быть эсхиловской идеей, по мнению Шмидта.

В-седьмых, Эсхил, по мнению Шмидта, никогда не думал, что Кронос проклял Зевса, а в трагедии «Прометей прикованный» об этом прямо говорится.

И так далее...

Исследуя этот вопрос, А. Ф. Лосев в своём сочинении «Проблема символа и реалистическое искусство» справедливо обращает наше внимание на то, что спор об авторстве шекспировских трагедий длится достаточно долго. И, при всей его важности, никак не может повлиять на величие трагедий, написанных то ли Шекспиром, то ли кем-то другим.

Полностью соглашаясь с Лосевым, считаю необходимым, тем не менее, информировать читателя по поводу так называемого «Прометеевского вопроса». А то ведь начнёшь рассуждать о связи между личной и родовой историей Эсхила и образом прикованного Прометея, а тебе скажут: «Вы что, не знаете, что Эсхил не является автором данной трагедии?»

Знаем, что высказаны определённые сомнения в том, что Эсхил является автором «Прометея прикованного». Знаем также, что никто не опроверг того, что автором «Прометея прикованного» является Эсхил. Просто высказаны по этому поводу некие соображения, но и не более того. К соображениям этим можно прислушиваться, с ними можно считаться, однако их нельзя превращать в некий окончательный научный вердикт.

Но, как всегда в подобных случаях, целесообразно вчитываться в текст произведения, а не ставить знак тождества между текстом и автором. Мы уже начали вчитываться в текст. Я предлагаю это продолжить. А всё, что сообщено по поводу «Прометеевского вопроса», считать важной развернутой заметкой на полях. Не более того, но и не менее.

Итак, Прометей обращается в finale трагедии к двум высшим инстанциям, способным выступить арбитрами в споре между ним и Зевсом. Эти инстанции — мать-земля («святая мать-

земля») и «эфир, свет всеобъемлющий». О чём говорят подобные адресации?

Гесиод в «Теогонии» сообщает нам о том, что *Прежде всего во Вселенной Хаос зародился, а следом*

Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный...

Пока что нас интересует не то, что связано с Геей, а то, что связано с самим Хаосом. Из Хаоса родились Чёрная Ночь и угрюмый Эреб (то есть Мрак).

Ночь же Эфир родила и сияющий День, иль Гемеру:

Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочтавшись.

Что же касается Геи, то Гесиод сообщает нам о том, что она родила Урана (Небо) и, сочетаясь с ним, породила множество божественных существ, в том числе Океан, Коя и Крия, Гипериона и Иапета, Фею и Рею, Фемиду и Мнемосину, Фебу и Тефию... И уже после этих божественных

сущностей родился, по мнению Гесиода, Кронос. *После их всех родился, меж детей наиболее ужасный,*

Крон хитроумный. Отца многомощного он ненавидел.

Пока что для нас наиболее существенным является то, что, по мнению Гесиода, Эфир рождён не от соития Урана и Геи, а от соития Ночи и Мрака, чьим отцом является не Уран, а гораздо более древний и мощный Хаос.

Ночь и Мрак — дети Хаоса. Эфир — внук Хаоса.

К семейству Урана и Геи эти сущности отношения не имеют. Разве что можно сказать, что и Гея тоже дочь Хаоса, то есть, прошу прощения за некое упрощенчество, она является наподобие тёти для Эфира. В самом деле, она — дочь Хаоса, а Эфир — его внук. Уран — это другой внук Хаоса. В этом смысле Эфир — это сущность ничуть не менее почтенная, чем Уран. Тем более что Уран осколён Кроносом, а на Эфир никоим об-

разом не посягал ни Кронос, ни кто-либо другой. И потому Прометей имеет определённые основания для того, чтобы обратиться именно к Эфиру как к началу, в определённой степени более мощному, чем Уран. И, опять же, в определённой степени не связанному с повреждённым Ураном. То есть к началу и древнему, и сохранившему могущество, в отличие от тех древних начал, которые это могущество потеряли.

Такова версия Гесиода. Есть ли другие версии? Да, они есть. Одна из них изложена в некотором потерянном эпосе «Титаномахия». От «Титаномахии» остались фрагменты. Кто именно является её автором, непонятно. Но наиболее часто в качестве автора называют полулегендарного Евмела из Коринфа, принадлежащего, к аристократическому роду Бакхиадов, правивших в Коринфе с середины VIII века до н. э. до 657–656 года до н. э., когда династия Бакхиадов была свергнута.

Иногда автором «Титаномахии» называют

Фамириса, мифического древнегреческого поэта, ослеплённого музами за то, что он вызвал их на состязание. Плутарх считал Фамириса автором «Титаномахии». Климент Александрийский приписывал ему изобретение дорийской гармонии. По версии автора «Титаномахии», Эфир и Гемера были родителями Геи и Урана. А также Понта (Моря), Океана и Тартара. То есть, согласно этой версии, Эфир ещё древнее.

В своей работе «Теогония и космогония» А. Ф. Лосев подробно разбирает вопрос о том, какой статус приписывался Эфири Гесиодом, Гигином, Цицероном, орфиками и так далее.

Легко убедиться в том, что этот статус гораздо выше, чем у Зевса, его отца Кроноса, его деда Урана. Так что апелляция Прометея к Эфири как высшей инстанции говорит о том, что для автора «Прометея» Зевс — это вовсе не самое высшее из божественных начал. А. Ф. Лосев приводит следующий орфический гимн об Эфире:

Держиши ты высшее Зевса жилище незыбле-

мой силой,

Звёздам кладёшь ты границу, и Солнцу с Месяцем — дышишь

Пламенем, всё укрощая, и трут для всего ты живого,

О высочайший Эфир, наилучшая мириа стихия!

Отрасль блестящая, свет ты несёшь и звёздами сияешь, —

Быть умеренно ясным тебя умоляю призывно.

Далее Лосев апеллирует к мнению орфиков, для которых сверху всё сущее ограничивается Эфиrom, а снизу — Фанетом.

Фанет — это божество-демиург в орфической космогонии. Для орфиков он — первый царь богов, создавший золотой род людей и назначивший им места обитания. Орфики считали Фанета четырёхглазым мужеженским живым существом, родившимся из Мирового яйца, обладавшим золотыми крыльями, головами быков по бокам и так далее.

Итак, этот самый Фанет для орфиков ограни-

чивает сущее снизу, а Эфир — сверху. Прометей в финале «Прометея прикованного» не упоминает Фанета. Но упоминает Эфир.

Я напоминаю читателю, что Эсхил родился в 525 г. до н. э. и умер в 456 г. до н. э. И что рождению Эсхила предшествовало правление афинского тирана Писистрата. Писистрат был правителем Афин с 560 по 527 г. до н. э. Именно он конфисковывал у эвпатридов, к которым принадлежал род Эсхила, землю и раздавал эту землю бедноте. Он же начал чеканить государственную монету, создал наёмное войско, организовал общественное строительство. Сам Писистрат происходил из аристократической семьи и был связан родственными узами с наиболее влиятельными афинскими аристократами, включая знаменитого законодателя Солона. Оседлав конфликт двух афинских партий — партии равнин, возглавляемой Ликуртом, и партии побережья, возглавляемой Мегаклом, Писистрат возглавил третью партию — партию горцев (обитателей

внутренних гористых местностей).

Фактически именно Писистрат заложил основы будущего могущества афинского государства. При этом опорой своей власти он сделал крестьянство, в пользу которого, как я уже говорил, конфисковывал земли эвпатридов.

Возвращаясь к вопросу об авторстве «Прометея прикованного», могу сказать, что всегда предпочитал придерживаться канонической версии авторства — неважно, касается ли это Эсхила, Шекспира или кого-то ещё. Но если говорить о мировоззрении автора «Прометея прикованного», то, уважая авторитет А. Ф. Лосева, я никак не могу согласиться с приводимой им (а не принадлежащей ему) версией, согласно которой «Прометей прикованный» а) является более поздним произведением, чем все произведения Эсхила, и б) принадлежит перу какого-нибудь софиста. Извините, но софисты тут совсем ни при чём. Потому что для софистов проблема богов является крайне малозначимой. А для

автора «Прометея прикованного» она является ключевой, острейшей, важнейшей. Так что софисты никакого отношения к прометеевской теме в том виде, в каком она изложена в «Прометеи прикованном», иметь не могут. А орфики — могут.

(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

Метафизическая война

Судьба гуманизма в XXI столетии

После XX съезда КПСС рядовые коммунисты Франции или Италии оказались перед необходимостью поддержать и сам съезд, и заявленную им десталинизацию. Но поддержав десталинизацию, надо было согласиться на глубокую компрометацию советского, а значит, и коммунистического проекта. То есть осуществить своеобразное «политическое характири»

Обложка книги «Национал-анаархизм. Родственные души» Троя Саутгейта

Трой Саутгейт, которого мы, что называется, «опознали» в качестве идеолога неонацистского штрассерианства, сетует по поводу того, что «левое движение» приобрело достаточно скверный — антиморальный и политически бесперспективный — характер.

Никоим образом не солидаризируюсь с Саутгейтом в чём бы то ни было. Рассматриваю его как представителя антигуманистических сил, глубоко враждебных всему подлинно левому, нацеленных на уничтожение настоящего левого движения. И тем не менее, должен признать, что сегодняшнее левое движение действительно является и достаточно дурно пахнущим, и политически тупиковым.

Усилиями антикоммунистов международные леваки стали уже ко второй половине XX века чуть ли не антитезой тому, чем было в предшествующую эпоху классическое международное коммунистическое движение.

Левое движение в целом и его новое ком-

мунистическое крыло в частности перестали с какого-то момента отстаивать высокие моральные нормы, классическую культурную направленность. А также многое другое. Говоря о классической культурной направленности, я вовсе не имею в виду яростное отрицание всех культурных новшеств, собирательно именуемых авангардом, поставангардом и так далее. В классическом французском коммунистическом движении нашлось место и для Пабло Пикассо, и для Луи Арагона, и для многих других. И это было прямым свидетельством того, что классическое французское коммунистическое движение 30-х, 40-х, 50-х годов XX века является и моральным, и высококультурным, и достаточно живым, привлекающим, а не отталкивающим новаторов, умеющим сочетать нормативность и новизну. Что произошло потом?

XX съезд КПСС, чудовищная дискредитация советского коммунизма, осуществлённая под видом десталинизации ближайшими соратниками

Стилана, оттолкнула очень и очень многих. И далеко не у всех хватило решимости послать куда подальше советских десталинизаторов и идти своим путём. Это мог сделать Мао Цзэдун, в распоряжении которого было огромное китайское государство. Но это не могли сделать лидеры западных коммунистических движений, серьёзнейшим образом зависевшие от СССР во всех смыслах этого слова.

Дело даже не в экономической или политической зависимости, которую так любят смаковать антикоммунисты. Дело в том, что коммунистическое движение в западных странах было стратегически и именно стратегически зависимо от всего, что происходило в СССР. Одно дело — рассматривать себя как часть мирового коммунистического движения, лидером которого является СССР, предъявлять своим сторонникам в той же Франции или Италии советский опыт в качестве фундаментального позитива. А другое дело — откращиваться от советского лидерства.

Рядовые коммунисты Франции или Италии никогда не поддержали бы такого открещивания со стороны своего местного коммунистического руководства. А значит, надо было поддержать XX съезд КПСС и заявленную им десталинизацию. Но, поддержав эту самую десталинизацию, надо было и лишиться фундаменталистского просталинского крыла, и согласиться на глубокую компрометацию советского, а значит, и коммунистического проекта. То есть, по сути, осуществить своеобразное «политическое харакири». Что, в общем-то, и было сделано.

Такова одна из причин глубокого кризиса международного коммунистического движения в западных странах после XX съезда КПСС. Но на самом деле таких причин много. И к тому, что я только что описал, всё никоим образом не может быть сведено.

На самом деле читателю совсем нетрудно понять и даже ощутить природу тогдашнего кризиса западного коммунистического движения, по-

тому что в современной России происходит нечто сходное с тем, что тогда происходило на Западе. У нас сейчас есть некие радикальные коммунистические фундаменталисты (наиболее знакомые по постсоветскому периоду имена — Ан-пилов, Тюлькин, Нина Андреева и т. д.). У нас есть умеренные коммунистические фундаменталисты (а точнее, имитаторы этого самого полуфундаментализма, эксплуатирующие коммунистический бренд) — в лице товарища Зюганова и его партии. И у нас есть так называемые леваки.

После XX съезда в большинстве западных стран возникло нечто сходное с тем, что имеем сейчас в нашем Отечестве. То есть часть коммунистов осталась на простиалинских позициях и обрекла себя на бесперспективный фундаментализм, сочетаемый с необходимостью противостоять СССР — единственному живому мощному очагу тогдашнего реального коммунизма. Часть коммунистов приняла решения XX съезда и по-

воловкалась за Хрущёвым в будущую перестройку. Часть — просто сдвинулась в сторону классической социал-демократии. А часть — с лёгкой руки определённых двусмысленных теоретиков еврокоммунизма и контркультуры — сделала ставку на молодёжные леваческие бунтарства, обильно сдобренные наркотиками, извращениями разного рода, террористическими двусмысленностями и так далее.

Просто у нас в России в 2016 году такая леваческая бунтарская стихия совсем уж жалко и бессмысленно выглядит. А на Западе тогда, в какие-нибудь бурные 60-е годы XX века, она казалась как бы и не абсолютно бесперспективной. Её бесперспективность обнажилась после той псевдореволюции, которую леваки устроили во Франции в 1968-м. После этого леваки стали стремительно деградировать, превращаясь отчасти в совсем дурно пахнущие контркультурные сообщества, а отчасти — в опекаемые западными спецслужбами террористические двусмысли

ленные структуры типа «Красных бригад».

Трой Саутгейт, чутко улавливающий полную недееспособность такого левачества, сетующий на то, что левую идею оседлали не только нездоровые, но и недееспособные силы, мечтает воспользоваться этой недееспособностью для того, чтобы застолбить свою альтернативную, как бы национал-анархическую, идейную нишу. То есть мы в каком-то смысле имеем дело с более эффективным и наступательным вариантом нашего Лимонова с его НБП.

Утверждая, что «социализм является неотъемлемой частью националистических убеждений»; что «отделять саму сущность социальной сферы от понятия нации — значит игнорировать основополагающий факт того, что народ фактически составляет нацию»; что «без народа не может быть нации, а без нации не может быть народа»; что поэтому социализму нужно обзавестись чем-то, не имеющим «абсолютно ничего общего с интеллектуально

несостоятельными легионами современных левых»; что это «что-то» должно, будучи националистическим, одновременно отстраняться от всего правого; что «и коммунизм, и капитализм — две головы одной гидры»... Заявляя о революционном национализме как альтернативе правым реакционерам и «красным маразматикам», Трой Саутгейт призывает к творческому развитию подлинной социал-националистической идеологии.

Но для того, чтобы творчески развивать нечто, надо иметь развивающее в качестве чего-то уже существовавшего и оставившего свой след в истории. Развитие любой традиции предполагает наличие той традиции, которую ты собираешься развивать. Какую же традицию предлагают развивать Трой Саутгейт и ему подобные?

Традицию штрассерианства, явившегося, по мнению Троя Саутгейта и ему подобных, подлинным социал-национализмом. Трой Саутгейт заявляет: «Доктрина социал-национализма распространялась главным образом Отто и Грего-

ром Штрассерами, двумя братьями, которые присоединились к Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) в 1920-е годы».

Сетуя на капиталистическую повреждённость этой НСДАП, к которой присоединились благородные, неповреждённые и мудрые Штрассеры, Трой Саутгейт выступает с критикой НСДАП. Он осуждает НСДАП за то, что она «в конечном итоге оказалась под лидерством Адольфа Гитлера, который в своей эгоистической жажде абсолютной власти пришёл к предательству истинных идеалов социал-национализма, которые были выдвинуты НСДАП с самого начала».

Вот такая специфическая критика НСДАП. Жила-была замечательная НСДАП, которая выдвинула прекрасную, спасительную социал-националистическую программу. Но, увы, не смогла эта благородная НСДАП отторгнуть тлетворное капиталистическое влияние Гитлера и его клики. Трой Саутгейт заявляет: «Никто

не может игнорировать простой и очевидный факт того, что Гитлер полностью отказался от осуждения немецких капиталистов и правого истеблишмента, даже позволяя партии получать финансирование от состоятельных еврейских спонсоров с Уолл-стрит. Доказательства этого утверждения могут быть найдены в блестящей работе Энтони Саттона «Уолл-стрит и восхождение Гитлера».

Энтони Саттон (1925–2002) — американский экономист британского происхождения. В 1962 году получил американское гражданство. Стал профессором Калифорнийского университета, затем — научным сотрудником Гуверовского института. Прославился своими сомнительными книгами «Как орден организует войны и революции», «Уолл-стрит и большевистская революция», «Кто управляет Америкой» и так далее.

Книги основаны на теории еврейского заговора, на том, что международное еврейство

управляло и большевиками, и нацистами, и всем на свете. Скандалная конспирология Саттона является ярчайшим примером оголтелого популизма, очевидным образом заточенного на полную дискредитацию всего советского и коммунистического и одновременно стремящегося воскресить национал-социализм, отделив «плохой», «загаженный евреями» национал-социализм Гитлера от «хорошего» национал-социализма тех же Штрассеров.

Ссылка Троя Саутгейта на «блестящую работу» Саттона позволяет уточнить феномен этого самого Троя Саутгейта по принципу: «Скажи мне, чьи «блестящие работы» ты ценишь, и я скажу тебе, кто ты». А то ведь многие поддаются на разного рода экологические размышления Саутгейта и его приспешников, на некую демократичность данного направления. Как говорят в таких случаях, «с приветом от Саттона».

Восславив Саттона, Трой Саутгейт возвращается к другим, восхищающим его «подлинным»

социал-националистам — Штрассерам. Которые, по его словам, сначала «были чрезвычайно активны в НСДАП до того, как партия в 1933 году пришла к власти», а затем «регулярно были вовлечены в войну с самим Гитлером, человеком, отказавшимся отстаивать децентрализацию государственной власти или предложить простым рабочим Германии долю как в сельском хозяйстве, так и в промышленности».

Саутгейт пишет о «реакционной лояльности Гитлера его капиталистическим спонсорам», о том, что Гитлер не уничтожил ростовщичество, отдав всю финансовую власть «в руки Ялмара Шахта, франкмасона со связями на Уолл-стрит». Гитлер, по мнению Саутгейта, предал программу Отто Штрассера, предложенную в 1925 году и известную под названием «Структура немецкого социализма». Саутгейт утверждает, что Гитлер предал забвению главный тезис НСДАП, сформулированный Отто Штрассером, согласно которому «альтернатива несо-

стоятельным чужеродным «решениям» — коммунизму и капитализму — идея, которую мы представляем, это политическая репрезентация партии, торговых предприятий и представителей профессий на основе нашей древней системы гильдий».

Поскольку Саутгейт хорошо знаком с творчеством Штрассеров и полностью находится под обаянием этого творчества, его оценкам штрассерианской альтернативы Гитлеру можно доверять. Социал-национализм, ориентировавшийся в XX веке на германскую древнюю систему гильдий, — это покруче Гитлера.

Такая система, ориентирующаяся на гильдии, должна, по мнению Штрассера, создать функциональную аристократию, состоящую из капитанов промышленности и офицеров экономической жизни. Она должна ликвидировать класс пролетариев, заменив его сословием привилегированных рабочих, прямо или косвенно участвующих и потому заинтересованных в своём це-

хе. Она должна поддерживать пропорции между числом людей, занимающихся умственным и физическим трудом (к умственному труду Штрассер относит и труд бюрократов). Она должна отменить государство как ночных сторожа и полицейского капитализма, не позволив ему при этом стать государством советской диктатуры.

Всё это должно дополниться уничтожением сети магазинов и супермаркетов, поддержкой малого бизнеса, разрушением монополий. На лицо — некий как бы антикапиталистический утопизм, осуществление которого породило бы столь же свирепый нацизм, но дополнило бы свирепость оного полной экономической, технологической и военно-политической несостоятельностью. Почему этого не захотел Гитлер, понятно. Он собирался мир завоёывать. Понятно и другое — почему Гитлер на этапе захвата власти, да и захватив её, заигрывал с подобными почвенными утопиями. Гитлеру — прежде всего, на этапе захвата власти, но и потом — нужна

была поддержка определённой части немецкого крестьянства. А оно находилось под обаянием консервативно-утопических идей Штрассера и его соратников.

Саутгейт пишет: «*В течение 1920-х годов более 20 процентов Германии находилось в собственности менее чем 19 тысяч людей, и крестьяне смотрели на НСДАП как на проводника лучшего будущего перед лицом их постоянно усугубляющегося затруднительного положения. К сожалению, они получили совсем небольшую помощь от Гитлера. Хотя министр сельского хозяйства Вальтер Дарре, казалось, сделал многое, чтобы защитить роль крестьянства, попыток перераспределения земли сделано не было.*».

Ну вот мы и добрались до крайне нужной нам нацистской знаменитости — Вальтера Дарре. Саутгейт утверждает, что Дарре, продвигая закон о наследовании крестьянских хозяйств, действовал в плотнейшей увязке со Штрассерами. И что

на самом деле настоящим автором этого закона был не сам Дарре, а его заместитель Фердинанд Фрид. Которого Саутгейт называет «тайным лидером Чёрного фронта Отто Штрассера».

Далее Саутгейт подробно обсуждает и крестьянскую программу Дарре – Фрида – Штрассера, и борьбу Штрассера с Гитлером, которого Штрассер обвинял в намерении задушить настоящую социал-национальную революцию, которую НСДАП обещала Германии. Штрассер утверждает, что Гитлер сознательно осуществляет удушение этой революции ради обеспечения поддержки со стороны того, что Штрассер называет «*новыми связями Гитлера с буржуазными группами правых*».

Обсудив недолгую борьбу Штрассера и Гитлера, создание Штрассером Боевого союза национал-социалистов, этого предтечи штрассерианского «Чёрного фронта», изгнание Штрассера, поддержку Штрассера английским журналистом Дугласом Ридом и многое другое, Трой

Саутгейт восхваляет штассерианскую традицию как единственную настоящую альтернативу коммунизму и капитализму.

Появление в череде благих и мудрых сторонников штассерианства ещё и английского писателя и журналиста Дугласа Рида (1895–1976), автора конспирологической книги «Спор о Сионе», дополняет образ штассерианства. Дуглас Рид действительно был яростным противником Гитлера и яростным сторонником «настоящего» национал-социализма в его штассеровском варианте. «Гитлер как агент евреев»... Стремление «Золотого интернационала», основанного на союзе Уолл-стрита и русских коммунистов, установить мировую власть, уничтожив Европу... Отрицание уничтожения Гитлером евреев... Таковы главные посылы идеологии Дугласа Рида, весьма популярные в Британском национальном фронте, этой крайне правой организации, состоящей из сторонников штассерианства, открыто прославляющей Штассеров и так далее.

Проинформировав читателя о том, что Британский национальный фронт (он же Национальный фронт) был основан 7 февраля 1967 года руководителями достаточно мелких крайне правых организаций (Лига имперских лоялистов, Движение за более великую Британию и так далее)... Что председателем данного штрассерианского начинания был А. К. Честертон, яростный поклонник Штрассера, двоюродный брат писателя Г. К. Честертона... Что, добившись расцвета в 70-е годы, данная организация затем пошла на убыль, — я перехожу к главному. К упомянутой поклонниками всех этих штрассерианских фронтов выдающейся фигуре Третьего рейха, ближайшему соратнику Штрассеров, вошедшему вопреки этому соратничеству в команду Гитлера — господину Вальтеру Дарре.

Рихард Вальтер Оскар Дарре (1895–1953) — один из главных национал-социалистических идеологов, имперский министр продовольствия и сельского хозяйства, имперский крестьянский

фюрер (с 1933-го по 1942 г.),obergruppenführer СС, глава Управления рас и поселений СС с 1931-го по 1938 г. Вот вам и противопоставление между Гитлером и Штрассерами! Мол, всё гитлеровское национал-социалистическое начинание было неполноценным, а штрассеровское было полноценным! А как же Дарре, соединявший в себе гитлеризм и штрассерянство? Кстати, для нас крайне существенным является то, что, помимо всех этих высоких должностей в гитлеровском рейхе, Дарре являлся ещё и одним из основателей знаменитого эсэсовского «Аненербе». Дарре создавал его вместе с Гиммлером и долгое время «Аненербе» был скорее вотчиной Дарре, нежели вотчиной Гиммлера. Да и есть ли на самом деле серьёзные основания для того, чтобы противопоставлять главу СС Г. Гиммлера obergruppenführеру СС и имперскому крестьянскому фюреру В. Дарре?

Рихард Вальтер Дарре родился в Аргентине 14 июня 1895 года. В Аргентину отец Дарре пере-

ехал по делам торговой компании, в которой работал. В 1912 году семья Дарре вернулась из Аргентины в Германию.

Вальтер Дарре получил блестящее образование. Родители добились того, чтобы их способный отпрыск учился в престижном Королевском колледже (King's college school). Колледж находился в английском городе Уимблдоне. Туда принимали только детей с ярко выраженными академическими наклонностями. К моменту поступления в колледж Дарре в полной мере проявил эти наклонности.

Дарре с детства увлекался всем, связанным с сельским хозяйством. В 1914 году он решил посвятить себя аграрной проблематике. Однако началась Первая мировая война. Дарре пошёл на фронт добровольцем, был награждён Железным крестом Второй степени. После окончания Первой мировой войны Дарре вернулся к освоению аграрной проблематики, сочетая освоение этой проблематики с занятиями правой полити-

кой. Об этом говорит хотя бы то, что уже в 1918 году, демобилизовавшись и вернувшись к освоению того, что он считал делом своей жизни, Дарре вступил в берлинский добровольческий корпус (фрайкор). Роль фрайкоров в судьбе Германии общеизвестна. Получая университетское образование в Галле и Гиссене, Дарре одновременно с 1919 года осваивал аграрную управленческую практику в Пруссском министерстве сельского хозяйства. А в начале 20-х годов Дарре становится ближайшим сподвижником Генриха Гиммлера (да-да, не Штрассера, а Генриха Гиммлера).

Дарре и Гиммлер активно формируют религиозно-политическое движение «Артаманен». История движения такова.

К лету 1923 года в Веймарской Германии, болезненно переживающей своё поражение в Первой мировой войне и находящейся в острейшем социальном, политическом и духовном кризисе, стала широко обсуждаться тема, абсолютно аналогичная той, которая сейчас в России именуется

«мигрантской».

Обнаружилось, что на востоке Германии немецкое безработное население не может получить работу потому, что все места заняты иностранными, в основном, польскими, гастарбайтерами. Виноваты в этом, по мнению основателей антимигрантского движения, были и стоявшие у руля Веймарской Германии либералы, и немецкие помещики, которые с удовольствием использовали дешёвый труд польских сезонных рабочих, пренебрегая тем, что создатели антимигрантского движения именовали национальными интересами.

В начале 1924 года создатели антимигрантского движения призвали немецкую молодёжь создавать сообщества добровольцев, способные вытеснять из сельскохозяйственной сферы разного рода гастарбайтеров, прежде всего, польских. Необходимость такого вытеснения обосновывалась тем, что, по сути, Польша осуществляет под видом гастарбайтерского движения на тер-

ритории Германии внутреннюю колонизацию Восточной Германии. Движение «Артаманен», призванное противостоять этой внутренней колонизации, являлось одним из ярчайших представителей уже обсуждавшегося нами «фелькишевдвижения» в Германии. «Артаманен» в переводе с древневерхненемецкого — это «те, кто защищают страну» («артам» — на древневерхненемецком означает «хранитель страны»).

Организаторы движения призывали всего лишь к созданию новых форм крестьянского труда. Но внутри этого движения находилась некая закрытая мистическая группа, исповедующая особую арийскую идеологию «арианизм».

Вот в эту группу и входили Гиммлер, Дарре и другие будущие руководители Третьего рейха.

В апреле 1924 года «Артаманен» начало наступление на сельскохозяйственном фронте. Движению действительно удалось создать новые формы сельскохозяйственной деятельности. Или, как говорили члены движения, «но-

вую касту крестьян». Основными ячейками были небольшие группы, которые приезжали на ферму, работали, не покладая рук, а в свободное время проводили поисково-военные игры.

Уже к 1929 году разросшееся движение «Артаманен» столкнулось с необходимостью так или иначе определяться по отношению к НСДАП. Одним из тех, кто убеждал «Артаманен» раствориться в НСДАП, был Генрих Гиммлер. Впоследствии та часть «Артаманен», которая встала на сторону НСДАП, превратилась в ядро будущей сельскохозяйственной службы гитлерюгенда.

После 1933 года «Артаманен» окончательно стало частью сельскохозяйственной службы гитлерюгенда, то есть окончательно попало под опеку ведомства Дарре. После краха гитлеризма «Артаманен» фактически перестало существовать. А в 1966 году оно было восстановлено неким «кругом друзей Артаманен», состоящим из старых участников этого движения. Штрассерианство захватило ещё и эту социальную

политическую нишу. «Артаманен» существует и поныне в виде крайне правой организации, сочетающей данную идеологическую направленность с экологическими установками.

Будучи значимо само по себе, движение «Артаманен» имеет особое значение постольку, поскольку в нём действительно существовало специфическое религиозно-мистическое ядро. Причём такое ядро, которое повлияло:

- а) на судьбу Веймарской Германии;
- б) на структуру заменившего её Третьего рейха;
- в) на содержание деятельности элитных структур этого рейха (таких, как «Аненербе»);
- г) на мировоззрение интересующих нас нацистских элитариев, входивших в группу специфических поклонников Гёте вообще и «Фауста» в первую очередь.

Не прекращая обсуждать биографию Дарре и специфику деятельности элитной нацистской группы, в которую он входил, мы должны дать

описание этого религиозно-мистического ядра движения «Артаманен». В чём специфика интересующей нас религиозной мистики, наложившей отпечаток на очень и очень многое?

(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

Экономическая война

Что происходит с нефтью?

Сланцевые нефть и газ — это суперфактор. Если США даже не сегодня, а в обозримой перспективе смогут «прокормить» (пусть и с переплатой) сами себя с опорой на сланцевые нефть и газ, то это развязывает им руки для принципиально новой политики в отношении Большого Ближнего Востока, а значит, и всего мира в целом

Исследование фонтанной скважины, ТАССР.
1950-е

Сейчас общеизвестно, что экономика России критически зависит от нефтегазового экспорта. Но в этом дуэте нефти и газа определяющую роль играет именно нефть.

Так, по итогам 2015 года экспорт нефти из России в физическом выражении составил 244,5 млн

тонн нефти (рост на 9% по сравнению с 2014 годом), в стоимостном выражении \$89,6 млрд (снижение на 41,8%). Экспорт нефтепродуктов в физическом выражении составил 171,5 млн тонн нефтепродуктов (рост на 4%), в стоимостном выражении \$67,4 млрд (снижение на 41,7%). Экспорт газа в 2015 году в физическом выражении составил 185,5 млрд куб.м. (рост на 7,5%), в стоимостном выражении \$41,8 млрд (снижение на 23%).

Таким образом, нефтегазовый экспорт из России в 2015 году составил \$198,8 млрд, из которых 73,4% приходится на экспорт нефти и нефтепродукты (в сумме \$157 млрд) и 26,6% — на экспорт газа (\$41,8 млрд). Кроме того, ценообразование в долгосрочных контрактах на поставку газа (по которым работает Россия) привязано к ценам на нефть и реагирует на них с отставанием примерно в 6–9 месяцев. То есть наш газовый экспорт сегодня ориентируется на нефтяные цены 6–9-месячной давности (тогда нефть марки

Brent торговалась в районе \$55 за баррель).

Стоимость совокупного экспорта из России в 2015 году составила \$340,3 млрд (снижение на 31,6%). Таким образом, доля нефти и нефтепродуктов в экспорте из России составляет 46,1%, доля газа — 12,3%, доля нефтегазового экспорта в целом — 58,4%. То есть экспорт продукции нефтяной отрасли приносит почти вчетверо большую экспортную выручку, чем экспорт газовой отрасли, и это без малого половины от всей экспортной выручки страны. И потому на сегодня именно фактор цен на нефть является определяющим для устойчивости российской экономики.

А ведь с нефтью явно происходит что-то неладное.

То, что резкое падение цен на нефть привело не к снижению добычи, а, наоборот, к её увеличению и даже дополнительному демпингу производителей, по-своему нормально. Нефтяные компании и те страны, для чьей экономики экспорт нефти имеет критическое значение,

пытаются возместить убытки от падения цен путём увеличения объёма продаж, что и приводит к росту добычи и демпинговой войне. Падение же инвестиций в освоение новых месторождений пока не сказалось на нефтяном рынке.

Рынок пока **не** реагирует на новости о недофинансированности будущей добычи нефти на сотни и сотни миллиардов долларов (я уверен, что не за горами тот день, когда в оценках зазвучит слово «триллион») и, как следствие, о рекордном падении числа действующих буровых установок. Например, 19 февраля 2016 года Financial Times сообщила, что число работающих буровых установок в США снизилось до минимального уровня с 2009 года. В этот же день цена на нефть марки Brent снизилась на 0,42% до \$33,12 за баррель. А ведь нынешний мировой рынок живёт ожиданиями, отыгрывая в ценах будущие события задолго до того, как они должны произойти.

Подобную реакцию можно было бы объ-

яснить ожиданием падения мирового спроса на нефть. Но Международное энергетическое агентство, как и другие ведущие экспертные центры, прогнозирует рост спроса на нефть как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

То есть нефтяной рынок получает новости о том, что добыча нефти всё больше и больше недофинансируется, что спрос на нефть будет расти и... держит устойчивый падающий тренд цен на нефть.

Может быть, дело в том, что игроки на нефтяном рынке рассчитывают на новые объёмы предложения, связывая особые надежды с Ираном?

Снятие «ядерных» санкций с Ирана частично открывает ряд рынков для иранской нефти. Но именно частично, так как долларовые сделки с Ираном всё ещё представляют проблему из-за других, оставшихся в силе, санкционных ограничений со стороны США. Но главное — это объёмы.

До снятия санкций Иран экспортировал 1 млн баррелей в сутки (около 49 млн тонн в год). После снятия санкций Иран заявил о намерении в течение 2016 года удвоить свой экспорт, доведя его до 2 млн баррелей в сутки. 14 февраля 2016 года заместитель министра нефти Ирана Рокнеддин Джавади заявил, что Иран уже увеличил свой экспорт на 400 тыс. баррелей. Напомню, что в 162 номере газеты «Суть времени» Ю. В. Бялый приводил оценку «серого» (обходящего санкции) экспорта нефти из Ирана в 300–400 тыс. баррелей. То есть в данном случае речь может идти о легализации тех объёмов нефти из Ирана, которые и ранее были на рынке, формально имея другие страны происхождения.

Что же касается оставшихся 600 тыс. баррелей, на которые Иран собирается увеличить свой экспорт в 2016 году, то они составляют 0,6% от мировой добычи нефти (96,3 миллиона баррелей нефти в сутки в 2015 году). Для сравнения, Ливия в 2011 году экспортировала 1,6 млн

баррелей в сутки. В результате гражданской войны и иностранной военной интервенции экспорт из Ливии обрушился. Но это не привело к потрясениям на рынке нефти. На уровень добычи, достигнутый при Каддафи, Ливия не вернулась по сей день. Выйдя на 800 тыс. баррелей в сентябре 2014 года, добыча нефти в Ливии вновь обрушилась до 180 тыс. баррелей в начале 2015 года, а затем частично восстановилась до 400 тыс. баррелей в сутки. Более того, в результате перманентной войны, идущей на территории Ливии, систематически возникает угроза полного прекращения экспорта нефти из этой страны. Однако потеря экспорта из Ливии не мешала нефтяным ценам пиковать вниз на протяжении 2014 и 2015 годов. Но сейчас цены особенно сильно падают на каждой новости из Ирана, вроде «в Европу прибыл первый танкер с иранской нефтью».

Новости из Ирана и в целом новости, напрямую касающиеся нефтяного рынка, сами по себе являются отдельным сюжетом. Например, цены

на нефть отыграли новость о предстоящем снятии санкций с Ирана летом 2015 года, отреагировав на неё падением. А затем, когда в январе 2016 г. санкции были сняты уже формально, цены ещё раз упали так, как будто эта новость ещё не отыгрывалась ранее.

Даже отмена действовавшего с 1973 года эмбарго на экспорт нефти из США, которая действительно является психологически мощной новостью, не может задавать тренд на мировом рынке физической нефти, так как США остаются крупными нетто-импортёрами нефти (импортируют нефти гораздо больше, чем экспортируют). В сообщениях о демпинговой торговле нефтью ИГ приводятся оценки от 34 тыс. до 200 тыс. баррелей нефти в сутки, что в любом случае представляет для мирового рынка величину на уровне статистической погрешности. И так далее. То же самое касается и сообщений о том, что запасы в таком-то нефтехранилище выросли на столько-то баррелей.

Складывается впечатление, что рынку для дальнейшего падения вниз нужны только формальные поводы, «легитимизирующие» понижающий тренд. Многие эксперты объясняют наличие этого тренда желанием Саудовской Аравии (шире — стран Залива в целом) покончить с развернувшейся в США «сланцевой революцией». Добыча сланцевых нефти и газа действительно нерентабельна при текущих ценах на нефть, и в сланцевой отрасли в США нарастает волна банкротств. Но банкротство — это юридический вопрос, а не уничтожение имеющихся технологий, оборудования и месторождений.

Непонятна логика ценовой войны со «сланцем». Если план в том, чтобы обанкротить отрасль, а потом вернуть цены наверх, то что помешает сланцевой отрасли в США восстановиться под флагами новых компаний? Ведь месторождения никуда не денутся, и технологии никуда не денутся, и даже оборудование останется. Кадры частично будут потеряны, но их восстановят,

вопрос только в сроках.

Так в чём здесь логика? Всё время держать цены на запредельно низком для сланца уровне? Никто, кстати, не думал о том, что будет, если сланцевая отрасль адаптируется к этим ценам? Или план состоит в «качелях»: сбили цены — сланцевая отрасль лежит на боку, подняли цены — сланцевая отрасль расцвела?

Сланцевые нефть и газ — это суперфактор. Если США даже не сегодня, а в обозримой перспективе смогут «прокормить» (пусть и с переплатой) сами себя с опорой на сланцевые нефть и газ, то это развязывает им руки для принципиально новой политики в отношении Большого Ближнего Востока, а значит, и всего мира в целом.

А чем, если не принципиально новым отношением к нефти (а значит, и к ключевому нефтегазовому региону — Большому Ближнему Востоку), можно объяснить то спокойствие, с которым мир, включая США, взирает на войну в Йемене, в которой увязла Саудовская Аравия и ко-

торая периодически «заходит» на сопредельные с Йеменом территории самой Саудовской Аравии? А почему на цены не влияет развернувшаяся «холодная война» между Саудовской Аравией и Ираном, сопровождающаяся ростом напряжённости в населённых преимущественно шиитами Бахрейне (который де-факто оккупирован Саудовской Аравией) и ключевом нефтяном регионе Саудовской Аравии — Восточной провинции?

Раньше любого из этих процессов было бы достаточно для резкого скачка цен на нефть вверх. Но сегодня для мирового рынка почему-то оказываются важнее новости типа «первый нефтяной танкер из США прибыл во Францию».

Если американская политика способствует поджиганию нефтяной «священной коровы» в виде региона Персидского залива — значит, эта «корова» больше не священна, и её начинают резать.

Тогда, возможно, мы находимся на этапе ста-

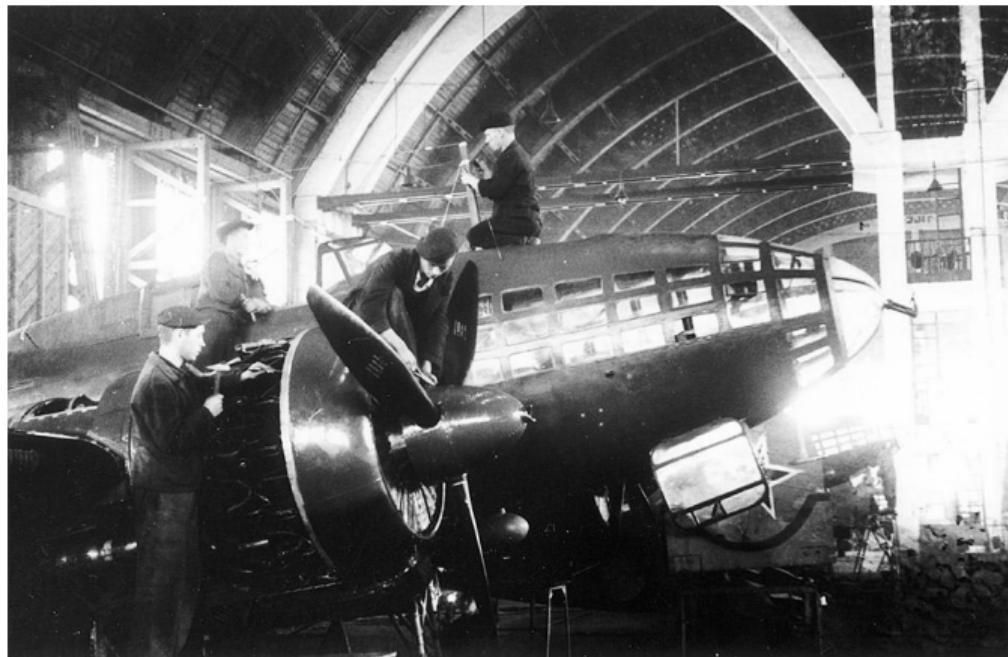
новления новой архитектуры мирового нефтегазового рынка. В которой США, управляя финансово-выми спекуляциями (имеющими решающее влияние на ценообразование на нефтяном рынке), получают (или думают, что получают) ещё и потенциальную возможность автономного самообеспечения нефтью и газом. И, тем самым, теряют жизненную заинтересованность в стабильности ключевых мировых поставщиков нефти.

Андрей Малахов

Классическая война

Ограничения технологизма

Предполагающаяся высокотехнологичной будущая война на втором этапе приобретёт черты войн времён 40–50 гг. ХХ века — с массовым применением относительно несложной военной техники

Сборка бомбардировщик Ил-4 на Иркутском
авиационном заводе в годы Великой
Отечественной войны

Сборочная линия истребителя F-35 на заводе
Lockheed Martin в Форт-Уэрт, Техас, США

Тенденция к всё большей технологизации современного военного искусства кажется совершенно естественной — ракеты, самолёты, танки, подводные и надводные корабли должны быть быстрее, точнее, бесшумнее и малозаметнее. А как иначе? Враг ведь движется в том же направлении — к высоким технологиям с их по-

чи фантастическими возможностями. Отставать нельзя, проигрыш в этой гонке грозит поражением, а то и гибелью.

Но действительно ли технологизация военного дела не имеет никаких ограничений?

На наш взгляд, на пути процесса бесконечного усложнения техники и технологий стоят серьёзные преграды. Это не значит, что дальнейший технологический прогресс невозможен. Это значит только, что уже сегодня возникает конфликт между сложностью военной техники и всей системы организации современной армии в целом — и пресловутым «человеческим фактором», который не справляется с этой сложностью.

Чтобы не быть голословными, для начала опишем высокотехнологичную армию и картину современного боя, ведущегося этой армией.

Прежде всего, по-настоящему высокотехнологичной следует считать армию такого государства, которое способно (так или иначе, пусть

с учётом иностранных комплектующих) ставить на вооружение все классы и типы оружия и военной техники.

Такому требованию в действительности в настоящее время отвечают только две армии — это армии США и Российской Федерации. Все остальные государства, включая Китай, вклады-вающий ежегодно более сотни миллиардов долларов в перевооружение своей армии (второе место по военным расходам в мире), пока не могут считаться обладателями высокотехнологичных армий. Почему? Потому что высокотехнологичная армия — это не количество вооружений (танков, самолётов, ракет и т. п.) и даже не их качество, а наличие **сложной связной системы вооружений и техники**, ориентированной на комплексное воздействие на неприятеля. В этом смысле у Китая существуют большие проблемы, в частности в таких принципиально важных областях, как военная связь, системы радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и отсутствие интегра-

ции войск в единую систему.

Следующее требование к современной армии — наличие **внутренней организационно-оперативной связности**, то есть такое качество её человеческого материала, при котором армия в любых самых сложных условиях работает как единый точно настроенный коллектив (не механизм, а коллектив).

Как известно, армия изначально строится на дисциплине и организованности. Дисциплина на войне (помимо её роли в повседневной жизни войск и поддержании их боеспособности) — это готовность чётко и точно исполнить даже самый трудный и опасный приказ. Организованность же есть способность воинов действовать не в одиночку, а исполнять команды именно в составе своего подразделения.

В то же время, если армия строится только на дисциплине и организованности (которых легко добиться с помощью палочной муштры сержанта, капрала, младшего командира) и не спо-

собна опереться на внутренние, содержательно-моральные основания своих солдат, то такая армия, скорее всего, поддастся искушению минимизировать «человеческий фактор» и максимально приблизить действия своих солдат и командиров к работе некоей огромной машины. Роботизированный же солдат, слепо исполняющий инструкции, не будет жертвовать жизнью ради Родины. Во всяком случае, такова наша, русская точка зрения.

Но, скажут нам, в сегодняшней войне влияние отдельного человека на результаты сражения минимально. Ведь недаром создаётся такая военная техника, когда достаточно лишь нажать нужную кнопку — и ракеты сами полетят в цель, а танки, дальнобойная артиллерия и боевые вертолёты автоматически поразят вражескую технику. Это во Вторую мировую войну нужны были героизм и самоотверженность бойцов, потому что техника была недостаточно хорошая. В современном же бою даже «линии фронта» не бу-

дет — цели поражаются за 100–200 километров, из-за горизонта.

Однако на самом деле всё несколько сложнее.

Почему-то все современные государства, уделяющие большое внимание своей обороне, по-прежнему содержат армии в сотни тысяч или даже миллионы солдат и, несмотря на рвение отдельных политиков, упорно не желают их сокращать. Почему? Ведь, казалось бы, новейшие образцы военной техники обладают настолько серьёзными параметрами, что можно обходиться их считанными единицами и не тратить средства на обучение и содержание массы «простых солдат».

Дело в том, что упор только на высокие технологии имеет свои серьёзные минусы.

Во-первых, построенная по такому принципу армия будет крайне дорогой. Так, стоимость современного истребителя уже измеряется в десятках миллионов долларов и тенденций к её сни-

жению не просматривается. Притчей во языцах стала программа создания американского истребителя пятого поколения F-22 Raptor, в ходе которой построено менее 200 самолётов, а суммарные затраты превосходят 411 млн долларов за самолёт. Даже США, имеющие огромный военный бюджет (более \$550 млрд в 2015 году), не могут позволить себе строить такие самолёты тысячами. Даже если считать, что половину всех затрат нужно отнести к коррупции и всевозможным «нечелевым расходам» (которых в американской армии хватает), цена всё равно останется непомерной. Но самое интересное, что проект истребителя F-22 вообще закрыт (то есть деньги были потрачены чрезвычайно неэффективно), а массовым станет истребитель F-35 Lightning II. Оценочная стоимость его эксплуатации (включая стоимость производства в \$90–150 млн за единицу) — составит \$670 млн на один самолёт. Планы по производству, включая поставки всем союзникам США, — 2 443 штуки.

И это отнюдь не только американская проблема. Один новейший отечественный бомбардировщик Су-34, по оценкам, стоит полтора миллиарда рублей, то есть, в современных ценах, \$30 млн за один самолёт. По известным на сегодняшний день данным, ВВС планируют закупку 150–200 подобных самолётов, то есть затраты в 225–300 млрд рублей.

Если же говорить о кораблях и подводных лодках, цифры будут ещё более впечатляющими. Так, многоцелевая АПЛ проекта 885М «Ясень» обходится стране в 35–40 млрд рублей. Пока планируется серия в 7 АПЛ.

Но дело даже не в отдельных статьях расходов, а в суммарной стоимости. Например, полное вооружение одной бригады ВС РФ современной техникой, военной формой, средствами связи и всем остальным обойдётся (в зависимости от штата) примерно в 40–50 млрд рублей. И хотя подобную сумму придётся заплатить один раз, всё равно на поддержание боеспособности бри-

гады придётся ежегодно тратить несколько миллиардов рублей. Отсюда и впечатляющая цифра затрат на общее перевооружение Российской Армии — 20 трлн рублей.

Следующая проблема заключается в подготовке кадров. Усложнение техники неизбежно приводит к увеличению длительности обучения личного состава — если мы хотим, чтобы солдат мог реально задействовать в бою все её возможности. Даже обычный пехотинец сегодня должен не только уметь собрать и разобрать свой автомат, но и иметь представление о простейшей тактике своего подразделения, понимать командира, видеть своё место на поле боя, возникающие угрозы и возможности. Иначе он очень быстро перейдёт в разряд потерь.

Подготовка же танкистов, связистов, расчётов систем ПВО и лётчиков — ещё более длительное и затратное дело. Причём цена ошибки в процессе обучения — неизмеримо выше. Так, ошибка экипажа Су-34 — это, в случае потери самолёта,

все те же вычеркнутые из бюджета полтора миллиарда.

Да, можно намного уменьшить риски обучением сложным военным профессиям на виртуальных тренажёрах, чем в ведущих армиях мира (в том числе российской) плодотворно занимаются уже не один год. Однако целиком эту проблему снять таким способом нельзя. Сколько бы лётчик ни поднимал в воздух виртуальный самолёт, рано или поздно ему придётся садиться за штурвал реального. И предусмотреть все непредвиденные ситуации в симуляторе невозможно.

Следующая проблема — сложность и трудоёмкость производства современной высокотехнологичной техники. Если сравнить количество самолётов, произведённых в период Великой Отечественной войны, с выпущенными промышленностью сейчас, разница будет огромной. В войну одно предприятие в месяц могло производить несколько десятков и даже сотен самолётов. Причём, что крайне существенно, практи-

чески весь производственный цикл был замкнут на это предприятие.

Сегодня в РФ поставки самолётов или вертолётов измеряются десятками в год, и это при том, что стоит первоочередная задача насыщения армии современными образцами вооружений. Чуть ли не каждая новая «партия» (а это иногда всего пара самолётов) подаётся как праздник. И причина понятна — для производства современного самолёта нужны десятки тысяч человеко-часов высококвалифицированного труда и участие нескольких десятков предприятий, нередко разбросанных по всей территории страны.

Но на сложности и трудоёмкости производства всё не замыкается. Есть ещё одно существенное отличие в сравнении с 40–50-ми годами XX века. В те времена сбой в поставках какого-то компонента мог привести к задержкам выпуска техники на дни, максимум — на недели, после чего производство можно было наладить

в другом месте или прямо на заводе, осуществлявшем окончательную сборку. В конечном счёте, было немало компонент, без которых самолёт всё равно мог оставаться грозной силой. К примеру, истребитель, имеющий комбинированное пулемётно-пушечное вооружение, мог всё равно выполнять свою задачу, если бы не хватало либо пушек, либо пулемётов (то есть при установке лишь одного из типов вооружений). Точно так же отсутствие радиостанции уменьшало боевые возможности самолёта, но не обнуляло их.

Сейчас же при отсутствии любой детали, входящей в одну из составляющих самолёт систем, он практически перестаёт существовать, как боевая единица практически становится равной нулю. Так, современный истребитель или перехватчик без ракет — просто дорогостоящая мишень для врага. Ведь противник может осуществлять пуски ракет с расстояния в десятки и сотни километров, тогда как ему ничего не остаётся, как сблизиться с ним на дистанцию сотен метров для

ведения пушечного огня. Но и это ещё не всё. При таких высотах, скоростях и перегрузках, на которые расчитан современный боевой самолёт, без наличия хотя бы одной из слагающих его систем современный самолёт просто нельзя поднимать в воздух!

Так обстоит дело не только в авиации, хотя, конечно, это наиболее высокотехнологизированный род войск. В остальных военно-технических сферах ситуация схожая. Например, для ведения современного танкового боя необходима специальная система обнаружения врага и прицеливания для наведения орудия. Если она отсутствует, неприятель может вести огонь по танку с расстояния в 2,5–3 км, а нашему танку для ответного огня придётся приближаться на расстояние менее километра, что даст врагу время на несколько выстрелов и практически гарантированно приведёт к уничтожению некомплектного танка.

Рассмотрение проблемы комплектации новейшей техники будет неполным, если оставить

в стороне собственно поражающие элементы — то есть боеприпасы. Зенитная или противотанковая ракета, огнемётный выстрел, современная авиабомба или большинство типов современных танковых снарядов — их производство тоже усложнилось за прошедшие десятилетия радикально. И, несмотря на постоянное повышение производительности труда благодаря автоматизации, говорить о выпуске многих видов современных боеприпасов в миллионных количествах не приходится как по причине их сложности, так и по причине дороговизны.

Таким образом, в реальном боестолкновении самой продвинутой армии с самым отсталым противником её потери всё равно неизбежны. Пусть даже противник фактически не способен наносить серьёзный урон — любое интенсивное использование сложной техники чревато авариями, вероятность которых возрастает пропорционально интенсивности её применения.

Если же противник хоть немного дееспособ-

бен, то невозможно обойтись и без реальных боевых потерь. Так, официально признанные потери ВВС РФ в «пятидневной войне» с Грузией составили 3 штурмовика Су-25 и один стратегический бомбардировщик Ту-22М.

Потери США в войне с Югославией или потери коалиции в войне с Ираком тоже исчисляются не одним десятком самолётов и танков.

Если же противник равен нападающей стороне по силам, то есть происходит большая война, то взаимные потери будут чрезвычайно серьёзны. В случае такого гипотетического конфликта между НАТО (США) и РФ можно предположить следующее: даже если стороны по каким-то причинам сумеют обойтись без взаимного обмена ядерными ударами, то первая стадия конфликта будет протекать в условиях крайне быстрого и хаотичного изменения позиций, при практически отсутствующей линии фронта. Когда будет применена вся мощь современного оружия и его количество ещё будет до-

статочным, потери обеих сторон в технике и профессиональных военных кадрах в первые дни и недели войны окажутся колоссальными.

Причём на этом этапе выучка войск будет играть относительно небольшую роль, а военный дух — практически нулевую. Когда идёт взаимная дуэль самыми современными средствами уничтожения, выучка и боевой дух подразделения мало что значат — один залп тяжёлой огнемётной системы (ТОС) уничтожит даже окопавшуюся по всем правилам роту пехоты с расстояния, превышающего дальность, на которой она способна нанести ответный удар.

На этом этапе войны противники должны будут задействовать все свои возможности для нанесения ударов на стратегическую глубину — с целью разрушения сложных технологических цепочек врага и особо критичных (единичных и важных для военной отрасли) производств.

Результатом этого этапа, если ни одна из сторон не сможет получить на нём решающего пре-

имущества, станет взаимное истощение современных средств ведения войны и профессиональных кадров. Вероятно (исходя из текущей численности армий), данный этап не продлится более 1–3 месяцев.

После чего начнётся второй этап, в ходе которого стабилизируется линия фронта, а противоборствующие стороны попытаются восстановить свой боевой потенциал.

Какой потенциал? На этом этапе сторонам придётся забыть о современном высокотехнологичном оружии, поскольку даже производственные мощности мирного времени не способны быстро восстановить потери первого этапа войны. А ведь значительная часть этих мощностей неизбежно будет выведена из строя в начальный период войны.

Даже если какой-то ключевой военный завод остаётся нетронутым и все его работники останутся на местах (не погибнут и не будут призваны в действующие войска), — достичь за счёт

имеющегося кадрового состава удвоения выпуска не удастся (в производстве тех же самолётов существенную часть занимает ручная сборка, которую крайне трудно ускорить), а обучение новых сотрудников для сложных производств может занимать многие месяцы, а порой и годы.

То есть никакая мобилизация не даст линейного прироста, потому что подготовка технологических кадров для современных производств — дело медленное и сложное.

Невозможно и восполнение кадрового состава армии в короткие (несколько месяцев) сроки. Да, у нас в стране существуют военные кафедры в вузах и их выпускники получают младшее офицерское звание. Но разрыв в уровне подготовки между кадровым военным и таким современным «пиджаком» настолько серьёзен, что для его преодоления нет других реальных механизмов, кроме длительного и постоянного обучения — то есть времени.

Таким образом, остаются два варианта раз-

вятия событий после взаимного уничтожения сторонами своих высокотехнологичных вооружений.

Первый — переход обеих сторон к применению стратегического оружия. Обмен ядерными ударами гарантированно уничтожит обоих противников, поэтому есть надежда, что на этот шаг ни одна из сторон сознательно не пойдёт (что не исключает случайного или несанкционированного применения ЯО, особенно в ситуации ведущейся войны и резко возросшей взаимной ненависти противников).

Второй вариант — одновременно с расконсервацией имеющей техники ускоренная переориентация промышленности на производство техники предыдущих поколений. Иначе быстро насытить войска более простыми, а потому и более массовыми и лёгкими в освоении личным составом образцами техники невозможно. Вероятно, это будут образцы начала 50–60-х гг. XX века. Конечно, будут максимально интенсивно про-

изводиться и относительно простые образцы современной высокотехнологичной техники (беспилотники и т. п.).

Таким образом, предполагающаяся высокотехнологичной будущая война на втором этапе приобретёт черты войн времён 40–50 гг. XX века — с массовым применением относительно несложной военной техники в сочетании с единичным применением оставшихся высокотехнологичных образцов оружия, используемых лишь в критически важных ситуациях.

Примером такого сценария может служить текущая ситуация в Донбассе, где установилась достаточно оформленная линия фронта, созданы и имеют существенное значение полосы оборонительных укреплений. Использование гражданских беспилотников и мобильной связи сочетается с единичным применением относительно современных оперативно-тактических ракет или достаточно массовым участием в боях военной техники 40–50-летней давности (танки Т-64).

Именно на этом этапе будет востребован опыт масштабных военных операций второго периода Великой Отечественной войны (этот опыт у наших военных колossalный, что позволяет оценивать исход противостояния с долей оптимизма). Точно так же на этом этапе войны окажутся крайне важны выучка пополнений и воинский дух вступающих в бой подразделений, что тоже традиционно является сильной стороной русской армии.

Таким образом, подводя итог рассмотрению темы, следует сказать, что при отсутствии некоторых сверхреволюционных технологических прорывов типа создания оружия на новых физических принципах (которые пока в ближайшей перспективе в обликах современных армий не угадываются), высокотехнологические элементы в военном деле имеют решающее значение лишь в том случае, когда армия противника либо принципиально более слабая и отсталая, либо отказывается от борьбы при первых же признаках по-

ражения. Если же государство и армия противника оказывает достаточно упорное сопротивление, то вступает в силу ряд ограничений, которые сводят на нет превосходство нападающей стороны в высоких технологиях.

На сегодняшний день несомненно, что тенденции усложнения и удорожания военной техники, а также увеличения сроков подготовки военных кадров со временем будут только нарастать, а значит, технический и кадровый разрыв между относительно небольшой высокопрофессиональной армией предвоенного времени и тем её обликом, который установится после первых месяцев интенсивного противостояния с равным противником, будет лишь увеличиваться.

Владимир Переборенко

Социальная война

Трудный путь советской медицины

Открытый саботаж врачей, отказ медицинских служб в помощи большевикам в условиях войны и революции, угроза перехода всей системы страховой медицины в руки идеологических противников — меньшевиков, грозили развалом всей системы здравоохранения

Первые шаги: 1917–1919 гг.

В этой статье мы хотим проследить, как начиналось построение советской системы здраво-

охранения, ставшей со временем всемирно известной под именем системы Семашко. Речь пойдёт об одном из драматичных периодов её становления — с 1917 по 1919 годы.

Расклад сил в системе здравоохранения России накануне Октябрьской революции

К октябрю 1917 года здравоохранение России представляло собой раздробленную систему без какого-либо единого управления. Отдельно существовала ведомственная медицина при крупных ведомствах (военном, путей сообщения и др.), отдельно — земская медицина, отдельно — городская государственная медицина, отдельно — фабричная медицина.

Ведомственная медицина объединялась в Центральный врачебно-санитарный совет (ЦВСС), работавший при Временном правитель-

стве.

В фабричной медицине действовали больничные страховые кассы. Это были крупные структуры, занимавшиеся не только страховой медициной, но и вообще вопросами социально-го страхования рабочих.

Кроме того, в России существовали различные общественные объединения врачей, которые играли активную роль не только в узкопрофессиональном медицинском сообществе, но и в общественной и политической жизни страны. Так, если к концу 60-х годов XIX века в России насчитывалось 27 таких медицинских обществ, а к началу 1880-х их количество возросло до 40, то к 1917 году в России действовало более 120 добровольных обществ врачей.

В работе этих обществ принимало участие более половины всех работавших в Российской империи врачей. Наиболее заметную роль в медицинском сообществе играло Пироговское общество врачей, которое за годы своего существова-

ния превратилось в главный орган врачебной общественности и, можно сказать, в главную врачебную организацию страны.

Пироговское общество

Пироговское общество было образовано в середине 80-х годов XIX века как общественный орган русских врачей. Раз в три года собирались съезды Пироговского общества. Постановления этих съездов служили ориентиром для врачей всей России.

Согласно Уставу, утверждённому 23 ноября 1883 года, членом Пироговского общества «мог стать всякий русский врач». Основная задача общества состояла «в разработке научно-врачебных вопросов, а равно и вопросов, касающихся доврачебного быта, соединёнными силами врачей Петербурга и Москвы, если возможно, то и всей России».

Отмечу, царское правительство с недоверием

относилось к Пироговскому обществу. Это недоверие усилилось после того, как в 1916 году Пироговское общество выступило с резкой критикой проекта создания Министерства народного здравия, выдвинутого царским правительством по проекту комиссии Г. Е. Рейна. Проект не получил признания российской медицинской общественности.

Царское правительство неоднократно запрещало мероприятия пироговцев — например помочь голодающим во время неурожаев, запрещало некоторые издания Общества, даже подвергало репрессиям членов правления. Однако само Общество не распускало.

По политическим взглядам среди членов правления преобладали социал-демократы. Существовало и так называемое «левое крыло», куда входила малочисленная группа большевиков.

В дни Февральской революции представители Пироговского общества почти единодушно поддержали Временное правительство. В апре-

ле 1917 года состоялся Чрезвычайный съезд Пироговского общества. Съезд избрал Правление, которое проработало вплоть до Октябрьской революции. В Правление вошёл один большевик — врач Зиновий Петрович Соловьёв, будущий первый заместитель наркома здравоохранения. Тогда же З. П. Соловьёв был избран редактором еженедельной газеты «Врачебная жизнь».

«Мы получили в наследство от самодержавия тяжёлый гнёт разъедающих народный организм санитарных неблагополучий, — писал З. П. Соловьёв в одном из номеров газеты, — равнодушно-лицемерную медицинскую бюрократию, бессильную земскую и городскую медицину, слабые ростки медицины рабочей и ясное сознание, что страна шаг за шагом неуклонно идёт к вырождению. Война, покрывающая Россию чёрными крыльями, приводит народные массы к последней черте физических и духовных страданий, исчерпав и так уж скучный остаток сил сопротивления».

В статье «Цена войны» Соловьёв выступил с обращением: «*Русские врачи должны присоединить свой голос к призыву объединившихся трудящихся всех стран прекратить бойню, страшную, позорящую человечество и омрачающую великие дни русской свободы*».

Однако Пироговское общество, которое обладало высочайшим авторитетом среди всего врачебного сообщества России, в целом симпатизировало Временному правительству и поддерживало военную мобилизацию. Большинство членов правления общества составляли социал-демократы и меньшевики. Врачи-большевики в составе общества были в меньшинстве.

Центральный врачебно-санитарный совет

Центральный врачебно-санитарный совет (ЦВСС) был образован при Временном правительстве из представителей всех ведомствен-

ных врачебных управлений. Задачей Совета было объединение деятельности врачебных управлений и разработка проекта организации всего врачебно-санитарного дела. Временное правительство предложило Пироговскому съезду выбрать в ЦВСС своих представителей. Из большевиков в состав Совета никто не вошёл, но кандидатом был избран врач и революционер Сергей Иванович Мицкевич. Уже после революции, в 1918 году, он переехал в Москву, где занялся организацией медицинского дела. Однако вскоре он переключился на работу в сфере школьного образования. А в 1920 году стал заместителем заведующего внешкольного отдела Народного комиссариата просвещения, который по его инициативе был преобразован в Главполитсовет.

Накануне Октябрьской революции Мицкевич так описывал настроения, царившие в ЦВСС: «На заседаниях сессии врачебно-санитарного совета у меня во время перерыва в кулуарах шли

страстные дискуссии с членами совета. Я был единственным большевиком среди них, и на мне вымешалась их злоба против большевиков, против грядущей пролетарской революции. Среди них чувствовались большая растерянность и страх перед надвигающейся грозой».

То есть Центральный врачебно-санитарный совет относился к большевикам ещё более враждебно, чем Пироговское общество. И это во многом предопределило проблемы советской медицины после Октябрьской революции.

Больничные кассы

Больничные кассы стали массово создаваться в 1912 году, после выхода первого закона о страховании рабочих. К 1917 году в Московской губернии существовало около десятка касс с общим числом участников более 200 тысяч.

5–10 октября 1917 прошёл первый съезд больничных касс Московской области. Съезд

одобрил создание первого в России областного объединения страховых организаций — Союза больничных касс Московской области, ставшего идейным центром страхового движения.

Если говорить о политических предпочтениях, то большинство руководителей больничных касс и представителей Союза больничных касс составляли меньшевики и эсеры. Недовольные политикой правительства Керенского, они, тем не менее, не поддерживали идеи большевиков.

В отличие от Подмосковной кассы, Петроградская касса социального страхования и Страховой Совет (формально — высший орган социального страхования, созданный при Петросовете) сочувствовали большевикам. Таким образом, намечался конфликт между руководителями московского и петроградского страховых движений.

Врачи-большевики

Среди врачей-большевиков, занимавших заметное общественное положение в канун Октябрьской революции, можно выделить Московскую и Петроградскую группы.

Из Московской группы мы уже упомянули З. П. Соловьёва, входившего в правление Пироговского общества. Кроме него кандидатами в члены правления Пироговского общества были избраны Иван Васильевич Русаков и Илья Сергеевич Вегер.

И. С. Вегер был председателем Московского губернского и Московского уездного советов рабочих депутатов, И. В. Русаков — председателем Сокольнического совета рабочих депутатов, З. П. Соловьёв — председателем Хамовнической районной управы, Николай Александрович Семашко — председателем Пятницкой районной управы и заведующим медико-санитарным отделом Совета районных дум. В Сокольническую

районную управу входил также врач-большевик Александр Павлович Голубков.

Петроградскую группу представляли Евгений Порфириевич Первухин, врач больничных касс, Михаил Иванович Барсуков, Александр Николаевич Винокуров, а также Вера Михайловна Бонч-Бруевич.

Уже упоминавшийся С. И. Мицкевич, входивший кандидатом в ЦВСС, был также членом исполнкома Саратовского совета рабочих и солдатских депутатов и одним из организаторов Октябрьских событий в Саратове.

В целом, в канун Октябрьской революции большевики могли рассчитывать на поддержку врачей только в среде фабричных врачей, связанных с больничными кассами.

Самых большевиков во врачебном сообществе было мало, Пироговское общество и Центральный врачебно-санитарный совет были настроены к ним враждебно. При этом крупная организация Московской областной больничной

кассы занимала, скорее всего, нейтральную позицию, хотя рабочие поддерживали требование большевиков о введении рабочей страховой программы в полном объёме.

Великая Октябрьская революция. Декреты о социальном страховании

Одной из первых инициатив молодой советской власти в области здравоохранения стало введение нового страхования рабочих. Декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) от 22 декабря 1917 года «О страховании на случай болезни» был реализацией так называемой «рабочей страховой программы», выдвинутой В. И. Лениным ещё в 1912 году на Пражской конференции РСДРП. В новом декрете значительно расширялся круг граждан, подлежащих страхованию, значительно увеличивались выплаты, а взносы в страховую кассу в полном объёме возлагались на предпринимателя.

Тогда же был принят первый в мире Декрет о страховании от безработицы, по которому пособие по безработице выдавалось каждому рабочему, который не смог найти работу и зарегистрировался на бирже труда.

Эти декреты дали толчок развитию страхового движения в Советской России. Начался быстрый рост численности участников больничных касс, они стали объединяться в Союзы. Появились средства и возможности заниматься организацией медицинской помощи рабочим, и больничные кассы взяли это дело в свои руки.

«В условиях общей разрухи и при одновременном неудержимом развале земской, городской и других медицинских организаций создавалась и выросла страховая рабочая медицина, — напишет в 1919 году историк А. И. Рабинович, — в городских и внегородских фабричных центрах были организованы специализированные лечебные учреждения, построенные на новых началах и поставившие медицинскую помощь фаб-

ричным рабочим на небывалый до сего времени уровень».

Таким образом, декреты о социальном страховании стали важнейшим социальным завоеванием трудящихся в ходе Октябрьской революции. Страховая медицина начала быстро развиваться. Однако что происходило с остальной медициной? Земской, городской, ведомственной?

Саботаж врачей

Между тем Октябрьская революция встретила почти полное неприятие со стороны большинства представителей российского врачебного сообщества.

«Объявление бойкота врачам-большевикам <...> имело место в ряде городов, — пишет в своих воспоминаниях о тех событиях 1917 года С. И. Мицкевич, — оно было увенчано постановлением центрального органа врачебной общественности — правления Пироговского об-

щества, которое на своём заседании 22 ноября приняло грозное воззвание против большевиков вообще и против врачей-большевиков в частности, призываю к бойкоту».

Мицкевич цитирует воззвание Правления: «Всё нравственно здоровое во врачебной семье должно найти в себе решимость и по долгу гражданской совести обязано резко и определённо отмежеваться от врачей, действующих в лагере насильников».

Под этим воззванием подписались фактически все члены правления общества за исключением трёх большевиков — З. П. Соловьёва, И. В. Русакова, И. С. Вегера и двух интернационалистов — А. Н. Сысины и М. С. Тарасенко.

«Тяжело было, — продолжает Мицкевич, — видеть под этим документом подписи лиц, с которыми много лет подряд приходилось вместе бороться за русскую общественную медицину. Это воззвание было напечатано в № 9–10 «Общественного врача» за 1917 год. В следу-

ющих номерах этого журнала была заведена «чёрная доска», на которую заносились имена врачей-большевиков для предания их бойкоту и поруганию. Попал и я на эту чёрную доску».

Открытый саботаж, отказ медицинских служб в помощи большевикам в условиях войны и революции, угроза перехода всей системы страховой медицины в руки идеологических противников — меньшевиков грозили развалом всей системы здравоохранения. Ситуацию осложняла гражданская война и нарастающая угроза эпидемий инфекционных заболеваний. Всё это потребовало от молодой советской власти незамедлительных контрмер.

Создание Наркомздрава

20 ноября 1917 года по инициативе одного из первых организаторов советского здравоохранения, а впоследствии историка медицины М. И. Барсукова в повестку дня заседания Сов-

наркома был внесён вопрос о создании нового органа, который бы объединил под своим управлением всё медико-санитарное дело в стране.

Однако присутствовавший на заседании В. И. Ленин отметил, что «создание такого органа преждевременно, пока нет подходящих условий, и нужно заняться их подготовкой <...> надо сделать идею Наркомздрава понятной, показать её целесообразность, чтобы о ней заговорили сами рабочие, и только тогда поднимать вопрос о законодательном оформлении».

Он предложил, во-первых, «расколоть врачебное сообщество и привлечь на сторону советской власти хотя бы меньшую часть». А во-вторых, создать при Советах депутатов на местах медико-санитарные отделы с широким участием рабочих и крестьян. Наконец, временно создать Совет врачебных коллегий, куда входили бы представители от всех наркоматов.

24 января 1918 года декретом Совнаркома

Совет врачебных коллегий был утверждён как высший медицинский орган Рабочего и крестьянского правительства. Председателем новообразованного Совета врачебных коллегий был избран С. И. Мицкевич.

Мицкевич неоднократно обращался в Центральный врачебно-санитарный совет с предложением о совместной работе, однако успеха так и не добился. ЦВСС занял позицию резко го неприятия советской власти. В итоге 15 февраля 1918 года постановлением правительства Центральный врачебно-санитарный совет был упразднён.

То, что мы описали, имело место в Петрограде. Однако с не менее острым противостоянием столкнулись организаторы советского здравоохранения и в Москве. Здесь жёстко оппозиционный курс по отношению к советской власти проводили Главные управление Земского и Городского союзов врачей.

В конце декабря 1917 года Главное управле-

ние Земского союза было распущено и заменено Главным комитетом в новом составе. Поначалу Н. А. Семашко и его коллега А. Н. Сысин выскакивались за сохранение Земского союза, так как, по их мнению, это было последней связью с врачебной работой на местах. «*Если его (Земский союз — Д.С.) решат прикрыть, — писал Семашко, — то работать в новом комитете решительно некому*».

Однако все старые структуры отказались подчиняться советской власти, все старые служащие отказывались выходить на работу. В этих условиях становилось ясно, что без консолидации медицины в едином органе, под единым управлением невозможно будет противостоять надвигающимся эпидемиям.

Вот как об этом пишет Н. А. Семашко — первый нарком здравоохранения РСФСР: «*Наркомздрав был организован не без трудностей. Были принципиальные противники создания единого правомочного органа, ведающего всем де-*

лом здравоохранения. Этими противниками являлись открытые и скрытые враги Советской власти. Меньшевики, кадеты и эсеры из врачей враждебно относились к молодой Советской власти и ко всем её начинаниям. В учреждениях здравоохранения (в остатках земской и городской медицины, в больничных кассах) они надеялись «отсидеться» от Советской власти и не подчиняться ей. Создание Наркомздрава, ведающего всем делом здравоохранении, расстраивало все их планы».

Совет врачебных коллегий представлял собой орган координации. В совет входили представители медико-санитарных отделов от разных наркоматов, каждый из которых подчинялся своему наркомату. Всё, что мог этот орган, — обеспечивать хоть какую-то связь и координацию действий. Было ясно, что это лишь первый шаг на пути к Наркомату здравоохранения.

Переломным оказался Первый съезд медико-санитарных отделов местных Советов рабочих

и солдатских депутатов, который был собран в июне 1918 года. На съезде с докладом о необходимости организации Наркомздрава (НКЗ) выступил З. П. Соловьёв. Доклад вызвал ожесточённые споры между сторонниками и противниками создания НКЗ, однако большинство делегатов присоединилось к тезисам докладчика.

11 июня 1918 года вопрос об образовании Наркомздрава был поставлен на обсуждение Совнаркома. На это обсуждение были приглашены двое врачей-пироговцев. Они выступили против создания НКЗ. Однако СНК под председательством В. И. Ленина утвердил проект единогласно.

16 июля 1918 года ВЦИК утвердил состав руководства Наркомздрава. В него вошли: нарком Н. А. Семашко, его заместитель З. П. Соловьёв и коллегия — В. М. Бонч-Бруевич, А. П. Голубков, П. Г. Дауге и Е. П. Первухин.

Наркомздрав начал свою работу. Ему ещё предстояло завоевать доверие врачебного сообщества, побороть сопротивление ведомств,

одолеть развернувшиеся эпидемии и выстроить государственное здравоохранение. Но центр управления уже был создан, и к нему можно было начинать стягивать ресурсы, кадры, возможности.

Создание Наркомздрава стало переломными моментом и в отношении врачей к советской власти. Всё больше врачей включалось в работу в советских органах здравоохранения, всё больше врачей вступало в борьбу с эпидемиями. Многие члены Пироговского общества, в том числе члены Правления, меняли свою позицию и переходили на сторону новой власти.

Чем был обусловлен этот перелом? Во-первых, тем, что стало понятно: советская власть укрепляется, это не временное руководство. Во-вторых, врачам надо же было где-то работать. Наконец, бывшие противники поверили в то, что советская власть борется за здоровье и благополучие всего народа, за развитие культуры и науки.

Однако оставалось ещё сопротивление страховых касс. Они никуда не делись, они продолжали укрепляться и наращивать своё влияние среди рабочих.

Противостояние Московской областной страховой кассы

Московский областной совет больничных касс был не просто бюрократическим органом, подобно Центральному врачебно-санитарному совету. Это была самая крупная структура, объединявшая рабочих Московского промышленного района. На 1 марта 1919 года страховые кассы Московского объединения включали в себя 1 019 906 участников и 3 766 предприятий.

Руководство Совета негативно восприняло новости о создании Народного комиссариата здравоохранения и планах объединить под его руководством всю медицину в молодой советской республике.

Контролирующие больничные кассы Страх-

вые присутствия, по российскому закону 1912 года, представляли собой самостоятельные надзорные бюрократические органы, в которых представители застрахованных не обладали никакими полномочиями. Декретом Совнаркома от 19 декабря 1917 года Страховые присутствия становились выборными органами на принципах представительства от страховых касс, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов и работодателей.

Однако состоявшийся в мае 1918 года I Всероссийский Съезд комиссаров труда постановил заменить Присутствия отделами социального страхования при наркоматах труда. Делегаты Съезда отметили, что реорганизация Страхового Совета «должна быть проведена в соответствии с предполагаемой конструкцией советской власти».

Конструкция эта предполагала единство и централизацию управления. Союз больничных касс воспринял это как отказ от принципа

самоуправления. Большевики старались любым способом вырвать страхование рабочих из-под влияния меньшевиков, которые занимали в Союзе больничных касс ключевые позиции. Конфликт набирал силу.

На стороне большевиков и Наркомтруда выступил Петроградский страховой совет. В ответ 27 октября 1918 года руководство Московского страхового совета организовало чрезвычайную конференцию больничных касс Московской области с представителями от 600 тысяч рабочих. Конференция приняла резолюцию, осуждающую реформы Наркомтруда.

14–18 ноября 1918 года состоялся 3-й съезд больничных касс Московской области. На нём присутствовало 409 делегатов от около 1 миллиона застрахованных. Кроме 409 делегатов присутствовали делегаты от касс безработных и некоторых профессиональных организаций — всего 50 человек. Постановление съезда о представлении не решающего, а совещательного го-

лоса делегатам, принадлежащим к Коммунистической партии или сочувствующих ей, вызвало уход со съезда значительной группы делегатов. В итоге в зале осталось всего 299 представителей больничных касс.

Большевики, понимая исключительную важность вопроса о массовой медицинской помощи, наращивали давление на политических противников сразу с нескольких сторон.

Наркомтруд постановил передавать функции страховых касс в Наркомсобес. Его поддержали Страховой совет и профсоюзы. А вскоре после окончания 3-го областного Московского съезда было опубликовано новое «Положение о полном социальном обеспечении», принятое Совнаркомом ещё 31 октября 1918 года.

Это новое «Положение» вносило некоторые изменения в страховые условия, в том числе условия и размеры выплат. Но главное — оно упраздняло существующие страховые организации и больничные кассы и заменяло их подотде-

лами социального обеспечения и охраны труда, избираемыми на местах советами профсоюзов.

Соцобеспечению подлежали все без исключения лица, источником существования которых служил «собственный труд без эксплуатации других». Это соцобеспечение предусматривало оказание всех видов врачебной и лекарственной помощи, выдачу пособий и пенсий по всем видам утраты трудоспособности.

Так всё дело соцобеспечения перешло из рук больничных касс в органы советской власти, в отделы соцобеспечения исполкомов на местах. Всё дело оказания медпомощи перешло в отделы здравоохранения исполкомов на местах, в губздравотделы. Наконец, 18 февраля 1919 года было издано постановление Совнаркома об изъятии страховой медицины из ведения страховых касс и передаче её в Наркомздрав.

Последний, IV съезд Союза больничных касс проходил с 28 апреля по 2 мая 1919 года. В нём приняли участие 166 представителей 86 боль-

ничных касс с числом участников 615 тысяч человек. Как можно видеть, их число быстро шло на убыль. Съезд принял решение распустить Союз.

На этом страховая медицина была упразднена. Позже, с переходом к НЭПу, снова появилась необходимость введения социального страхования и страховой медицины как его части, но это уже другая история.

Подводя итог первому периоду становления советской медицины, с октября 1917 по февраль 1919 года, можно констатировать:

1. После Октябрьской революции в России было введено самое прогрессивное страховое законодательство в мире для того времени. Была полностью реализована «рабочая страховая программа».

2. Впервые в мире был создан государственный орган, объединивший в своих руках всё дело здравоохранения, что стало особенно важным

в условиях Гражданской войны и эпидемий.

3. Начало Гражданской войны, разруха, переход к «военному коммунизму», национализация промышленности, продразвёрстка потребовали перехода от страхования к социальному обеспечению всех слоёв населения, что было введено декретом от 31 октября 1918 года.

4. Недоверие и саботаж врачей, которые в первые месяцы своего правления встретила советская власть, были вскоре переломлены, доверие завоёвано. Быстро теряло влияние и вскоре прекратило своё существование Пироговское общество, которое, несмотря на все предложения советской власти (Н. Семашко даже прочёл доклад на Чрезвычайном Пироговском съезде в апреле 1919 года), не пошло на сотрудничество.

5. Противостояние страховой медицины единой системе здравоохранения было постепенно преодолено, главным образом с помощью усиления роли профсоюзов.

Война идей

Идея фундаментального неравенства. От нацистской «классики» — к актуальности — 2

Россия является примером того, как можно жить в одном государстве, сохранять традиционные ценности, уважать культуру других этносов, при этом не скатываясь ни в «домостроевский» фундаментализм, ни в безрассудную оргию ЛГБТ и постмодернистской бессмыслицы

Диего Ривера. Наш хлеб. 1928 г.

Современное идейное наполнение межэтнических отношений на Западе. **Мультикультурализм**

В предыдущей части статьи мы рассмотрели основные вехи в строительстве расовых теорий, перейдём теперь ко дню сегодняшнему. Безусловно, существование различных ультранационалистических группировок, базирующих свою идеологию на трудах «классиков» расовой теории, достаточно велико, однако ставить на развитии данной тематики точку пока рано. Современная идеологема «включающего общества» и основанная на ней сегодняшняя европейская практика уже дали некие очевидные плоды. Казалось бы, явление абсолютно новое, но в то же время оно отражает что-то знакомое до боли.

Таким новым, и в то же время парадоксально связанным с очень старыми наработками явлением стала парадигма мультикультурализма — ныне ведущая идея Запада на поле

регулирования межэтнических, межконфессиональных, межкультурных отношений. Сама тема мультикультурализма как таковая уже рассматривалась мною в статье «Гремучая смесь для Европы» («Суть времени», № 150), поэтому раскрывать её целиком излишне, а вот кратко напомнить всё же стоит.

Мультикультурализм распространился по западному миру в 80-х годах XX века и по сей день занимает позиции одного из главных регуляторов жизни западного общества. Поначалу сама идея мультикультурализма казалась вполне хорошим решением, однако уже к рубежу первого десятилетия XXI века разговоры о её несостоятельности начали вести не только интеллектуалы, но и главы европейских государств. Всё это постоянно дополнялось различным крупными эксцессами — такими как теракт в редакции «Шарли Эбдо» и теракт Брейвика в Норвегии, усиливающими противоречия в обществе и обнажающими несостоятельность мультикультура-

лизма.

Но главной темой, проблематизировавшей мультикультурализм по-крупному, стал приток беженцев с Ближнего Востока в европейские государства. Неприязнь к приезжим стала возрастать, а вместе с этим резко начали набирать очки партии правого популистского толка. Дополнили картину новые эксцессы — ноябрьские теракты в Париже и вызывающие уличные безобразия в Кёльне на Новый год. Что, без сомнения, повысило популярность правых настроений среди европейцев.

В итоге, на первый взгляд, картинка довольно ясная: есть беженцы и поддерживающие их мультикультуралсты, есть правые и их сторонники. Третьего варианта Европе пока никто не предлагает: истеблишмент и правительства не хотят отказываться от мультикультурализма, а население тянут в правую сторону, как политические силы, так и сама нагнетаемая обстановка.

Но даже если принять на вооружение эту

гипотезу о фашизации Европы, возникает вопрос, каким образом и при помощи каких концепций старые расовые теории могут вернуться с запылённых полок в руки европейским политикам и гражданам и стать зловещим оружием в деле построения новой мировой парадигмы существования? Ведь приёмы и лозунги (преимущественно антикоммунистические и антисемитские) 20-х – 30-х годов, хорошо работавшие в монанациональных государствах, уже не имеют ни силы, ни легитимации в мультикультурном обществе единой Европы. Что там какие-то «свои» евреи и чужие коммунисты в далёком СССР, по сравнению с сотнями тысяч мусульман-беженцев! Чтобы найти ответ на этот вопрос, стоит вернуться к уже рассмотренным произведениям расовых теоретиков.

Концепция «хаоса народов»

Одной из центральных концепций, на которых построена вся теория Чемберлена, является концепция «хаоса народов». Чемберлен называет долгий период со времён постцезаревского Рима (к тому моменту уже переставшего быть республикой, которой Чемберлен так восхищался) и вплоть до появления Великой хартии вольностей (*Magna Charta*), которую он считает неким вступлением германцев в исторический процесс — «периодом хаоса народов». И придаёт произошедшем на этом этапе изменениям кардинальное значение. Розенберг также принимает концепцию «хаоса народов», попутно благодаря Чемберлена за её создание.

Если рассматривать эту концепцию, то суть вкратце в том, что со времён Римской империи, которая старательно расширялась, захватывая и подчиняя сопредельные территории, её население стало состоять не только из потомствен-

ных римлян, чьи роды ведутся от самого начала римского государства, но и из многочисленных народов порабощённых территорий, а также приезжих. В результате получилось не строгое национальное государство, а огромная империя, состоящая из множества народов, со своими культурами, традициями, языками, которые, после выдачи гражданских прав всем свободным жителям Римской империи (не только патрициям, но и плебеям) смогли напрямую влиять на жизнь империи, вплоть до управления государством. Само собой, в такой ситуации начинается частичная ассимиляция прибывающих народностей, что с точки зрения расовой чистоты Чемберлена удовлетворить не может. И он, уже по смыслу повторяя тезис Гобино о гибели цивилизаций через вырождение, констатирует это как причину гибели Римской империи.

У Рима, согласно этой концепции, эстафетную палочку перехватывают Католическая Церковь и сам институт папства, который осуществляет

уже идеологическую экспансию в Европу. Параллели между Римской империей и Католической Церковью Чемберлен проводит таким образом: если Римская империя держалась за определённый каркас гражданственности и государственности, в каком-то смысле преемственный республике (хоть и утративший, по мнению Чемберлена, своё истинное содержание), то Римская Католическая Церковь перенесла этот каркас из плоскости государственной в плоскость религиозную и идеологическую.

А широкая идеологическая экспансия позволяет проводить аналогии с римской экспансией военной.

Сам же этот расовый беспорядок, по мнению Чемберлена, переламливается принятием Великой хартии вольностей, которая знаменует собой подвижки по выходу из беспрекословного подчинения папской власти. Здесь уже в дело как раз и вступают германцы, чьей характерной чертой является способность и стремление к упорядочи-

ванию всякого хаоса.

Но сам Чемберлен не может рассматривать данный процесс как чисто исторический и неизбежный, тем более, что он называет «хаос народов» вещью рукотворной (а не исторически объективной):

*«Их родословная ведёт к бесчтому числу отпущеных на свободу рабов из Африки и Азии, к мешанине различных итальянских народов, к расселившимся повсюду среди них солдатским колониям из Бог знает каких стран, короче говоря, к **искусственно созданному империей хаосу народов**».* Здесь Чемберлен говорит об итальянцах, но в данном случае важна именно подчёркнутая им мысль об искусственности «хаоса народов».

Поэтому, помимо исторических изысков и манипуляции с примерами исторических личностей (как уже упоминалось, Чемберлен отыгрывает тождество: «выдающиеся качества = наличие германской крови» в обе стороны, Розенберг

с ним соглашается), которые мы оставим на совести автора, Чемберлен вводит и некое духовное обоснование сложившимся обстоятельствам.

Вводится концепция противостояния универсализма и национализма. Национализм, с точки зрения Чемберлена, как раз и символизирует германский дух с его концепцией «внешняя ограниченность, внутренняя безграничность», универсализм же — строго наоборот — это «внешняя безграничность, внутренняя ограниченность». Грубо говоря, пример империи, которая расширяется как государство и при этом требует от граждан отказа от каких-либо личных амбиций в пользу общего — это и есть образец универсализма, который Чемберлен считает скверной. А национализм декларирует ограничение государственной экспансии, но при этом гарантирует неограниченную свободу личности. В какой-то степени это является, в том числе, и ответом на расовый фатализм Гобино, который, как уже говорилось, провозглашает неизбежное

расширение более развитых цивилизаций с их последующей ассимиляцией и вырождением.

Соответственно, любой универсализм является врагом германского духа, и только национализм гарантирует и порядок, и пышный расцвет искусства, и прогресс.

«В этой борьбе речь идёт не о национальном светском государстве в противоположность универсальному церковному государству, но там, где мы встречаем универсализм, его неизбежным коррелятом будут антинационализм и антииндивидуализм. Совсем не обязательно, чтобы это был сознательный универсализм, достаточно одной идеи, направленной на абсолютное, внешне безграничное. Так, например, последовательный социализм ведёт к абсолютному государству. <...>

Действительно, социализм означает опасность для отдельных национальных государств, а также для принципа индивидуализма, но не для идеи государства. Он честно

объявляет себя сторонником идеи интернационализма, но провозглашает суть не в растворении, но в сказочно осуществлённой, заимствованной у машин, организации. В двух случаях наблюдается родство с Римом. Действительно, он представляет ту же католическую идею, что и Церковь, хоть и с другого конца».

И в рамках такого постулата неважно, что именно является проявлением антигерманизма и универсализма: Римская империя, Римская Католическая Церковь, социализм, интернационализм... Или, может, даже Евросоюз?

Недаром большинство правых партий в Европе также являются так называемыми евроскептиками, то есть противниками евроинтеграции и сторонниками национальных государств. Параллель в чём-то шаткая, но в целом текущую ситуацию с мультикультурализмом и потоком беженцев в Европу можно довольно легко уместить в рамки концепции «хаоса народов».

Учитывая подчёркнутую рукотворность «хаоса» в построениях Чемберлена, имеет смысл даже рассматривать мультикультурализм как средство осмысленного создания «хаоса народов», к которому будет на втором шаге предложено «противоядие» в виде трудов уже известных расовых теоретиков и практиков. Не исключено, что концепция «хаоса народов» окажется как раз тем самым соусом, под которым блюдо нацистского реванша может быть слопано европейцами.

Или, быть может, сам мультикультурализм не так уж и плох, а просто неудачно сложились обстоятельства? Этот вопрос тоже стоит рассмотреть далее.

Обратная сторона мультикультурализма

Здесь стоит вернуться к самой сущности мультикультурализма и задаться вопросом: так ли он кристально чист на самом деле?

Вопрос далеко не праздный, поэтому необходимо зафиксировать, что сам по себе мультикультурализм гарантирует равенство людей разных культур, этносов, мировоззрений и религий (назовём их обобщённо «Другие»), но при этом не имеет никакой идеологической надстройки.

Если отжать воду благих деклараций, то в сухом итоге мы имеем систему, в которой подчёркивается равенство «Других» *de jure*, но *de facto* это юридическое равенство обосновывается неравенством фундаментальным. Проще говоря, «Другие» имеют равные права с исторически устоявшимся населением только за счёт того, что они «Другие». В итоге, система межкультурных отношений, построенная на этом факто-ре, не может не вызывать реакцию со стороны исторически сложившегося населения национальных государств. В связи с этим складываются двойные стандарты: с одной стороны, равенство и мир на бумаге, с другой — скрытый рост ксенофобии и национализма в обществе, который уже

проявляется вполне открыто, что особенно видно на примере ситуации с беженцами и реакцией в виде погромов и поджогов. Подобные мысли высказывает и Славой Жижек в своей статье «Либеральный мультикультурализм скрывает старое варварство» (в его статье термин «Другой» имеет примерно то же значение, что и здесь):

«Иными словами, мультикультурализм — это дезавуированная, превращённая самореференциальная форма расизма, «расизм с определённого расстояния» — он «уважает» идентичность Другого, рассматривая Другого как замкнутое «подлинное» сообщество, по отношению к которому он, мультикультуралист, поддерживает дистанцию, отражающую его привилегированную всеобщую позицию. Мультикультурализм — это расизм, который освобождается от всякого положительного содержания (мультикультуралист — это не открытый расист, он не противопоставляет Другому особенные ценности своей культуры),

но тем не менее сохраняет эту позицию как привилегированное пустое место всеобщности, с которого он может давать оценку совершенно иным особым культурам — уважение мультикультуралаиста к особости Другого и есть форма утверждения собственного превосходства».

В итоге, как уже говорилось ранее, Европа оказывается в вилке между выбором из двух зол, которые по факту «оба хуже»: либо фашизм старого образца, уже знакомый нам по первой половине XX века и призванный собрать обломки, доставшиеся от взрыва, порождённого мультикультурализмом; либо фашизм мягкий, в виде мультикультурализма, который будет вызревать и действовать за ширмой юридического и медийного благолепия. Всё это невольно наводит на мысли о мультикультурализме как о грандиозной задумке, предваряющей возвращение фашистов на мировую арену, который если уж и провалится (а он, в каком-то смысле и обязан

провалиться), то всё равно все останутся в выигрыше. И какой выбор ни делай из этих двух вариантов, всё равно эти две ниточки рано или поздно приведут в один центр. В каком-то смысле это также пересекается с мыслями Славоя Жижека, высказанными им в книге «*Интерпассивность. Желание: Влечение. Мультикультурализм*», которыми хотелось бы закончить эту часть статьи:

«...сегодняшний правый интеллектуал — это плут, конформист, который обращается к факту существования данного порядка как к доводу в его пользу и высмеивает левых за их «утопические» планы, которые обязательно ведут к тоталитарной или анархической катастрофе, тогда как левый интеллектуал — это дурак, придворный шут, который публично разоблачает ложь существующего порядка, но в каком-то смысле социально-политическая действенность его речи приостановлена. После падения социализма плут стал неоконсервативным защитником свободного рынка, ко-

торый безжалостно отвергает все формы социальной солидарности как вредную сентиментальность, тогда как дурак — это мультикультуралистский «радикальный» социальный критик, который со своими смехотворными процедурами, нацеленными на «ниспровержение» существующего порядка, в действительности дополняет его».

Заключение

Сама расовая теория как идея фундаментального человеческого неравенства, помимо разделения рас на угодные и неугодные, таит в себе и второе дно. У каждого из рассмотренных авторов неоднократно противопоставляются аристократия и чернь, невзирая на их «единокровное» происхождение. Таким образом, народ, заглотивший наживку расизма и ксенофобии, садится на крючок умелых аристократов и даже в своём государстве с расовой чистотой остаётся

рабом, а не становится господином.

Конечно же, особое внимание в вопросе мультикультурализма и расовых теорий уделяется именно Европе как геополитическому субъекту, собственно для которого эти расовые теории писались и где мы сейчас наблюдаем процесс постепенной фашизации.

Может возникнуть вопрос: а какое нам дело до процессов в Европе, если мы живём в России, которой эти расовые теории чужды и овладевают умами лишь полумаргинальной несмышлёной молодёжи? Ответом может послужить один из трендов в высказываниях западных СМИ, которые можно объединить в группу «Образ России как фашистского государства». Западные СМИ ловко проводят параллели между российским обществом, где очевидна устойчивая приверженность большинства выработанным отечественной культурой ценностям, и европейскими правыми партиями. (Которые, по удачному стечению обстоятельств, ещё и выступают в под-

держку России на мировой арене.)

«Сличение» идёт по таким параметрам, как поддержка традиционных семейных ценностей, неприятие ЛГБТ, отсутствие мультикультурализма и т. д. Делается же это не в последнюю очередь для того, чтобы невольно втиснуть и Россию как образ в ту самую «вилку выбора из двух зол», чтобы выбор казался безальтернативным.

Однако Россия как раз и является примером альтернативного выбора, примером того, как можно жить в одном государстве, сохранять традиционные ценности, уважать культуру других этносов, при этом не скатываясь ни в «домостроевский» фундаментализм, ни в безрассудную оргию ЛГБТ и постмодернистской бессмыслицы.

И именно многовековой опыт России (в понимании расширительном — как Российской Империи и Советского Союза) сводит на нет все концепции расовых теорий. Этот опыт является бесценным. Можно сказать, что именно в эпоху СССР

была реализована парадигма симфонии народов, проживавших на одной территории и делающих общее дело — строящих великое будущее, при этом не изобретающих никаких расовых теорий, планов господства и не вынашивающих агрессивных планов в отношении соседних государств. Данный опыт с каждым днём становится всё актуальнее в условиях протекающего краха Модерна, смыслового исчерпания и набирающей обороты фашизации западного мира.

Только переосмысление отечественного опыта и дополнение его новым содержанием поможет нам ответить на этот поистине грандиозный вызов Истории.

Андрей Лавренчук